

Дмитрий Серов

Люди и учреждения Петровской Эпохи

Сборник статей, приуроченный
к 350-летнему юбилею
со дня рождения Петра I

Б О Ж І Е Ю

М І Л О С Т І Ю

МЫ ПЕТРЪ ПЕРВЫИ.

ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИИСКІИ,

И ПРОТЧАЯ, И ПРОТЧАЯ, И ПРОТЧАЯ.

Историческое наследие

Сборник статей

**Люди и учреждения Петровской
эпохи. Сборник статей,
приуроченный к 350-летнему
юбилею со дня рождения Петра I**

«НЛО»

2022

Сборник статей

Люди и учреждения Петровской эпохи. Сборник статей,
приуроченный к 350-летию со дня рождения Петра I /
Сборник статей — «НЛО», 2022 — (Историческое наследие)

ISBN 978-5-44-482032-2

Личность Петра I и порожденная им эпоха преобразований – отправная точка для большинства споров об исторической судьбе России. В общественную дискуссию о том, как именно изменил страну ее первый император, особый вклад вносят работы профессиональных исследователей, посвятивших свою карьеру изучению петровского правления. Таким специалистом был Дмитрий Олегович Серов (1963–2019) – один из лучших знатоков этого периода, работавший на стыке исторической науки и истории права. Прекрасно осведомленный о специфике работы петровских учреждений, ученый был в то же время и мастером исторической биографии: совокупность его работ позволяет увидеть эпоху во всей ее многоликости, глубже понять ее особенности и значение. Сборник статей Д. О. Серова, приуроченный к 350-летию со дня рождения Петра I, знакомит читателя с работами исследователя, посвященными законотворчеству, институциям и людям того времени. Эти статьи, дополненные воспоминаниями об авторе его друзей и коллег, отражают основные направления его научного творчества.

ISBN 978-5-44-482032-2

© Сборник статей, 2022

© НЛО, 2022

Содержание

Е. В. Анисимов 1 , Е. В. Акельев 2	5
Часть I. Законотворчество	8
ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.	8
ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА I	14
«БЫТЬ ПО МАНИРУ ШВЕДСКОМУ...»	25
«У СОЧИНЕНИЯ УЛОЖЕНЬЯ РОССИЙСКОГО С ШВЕЦКИМ БЫТЬ...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Олегович Серов

Люди и учреждения Петровской эпохи.

Сборник статей, приуроченный к 350-летнему юбилею со дня рождения Петра I

*Е. В. Анисимов*¹, *Е. В. Акельев*²

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издание трудов профессора Дмитрия Олеговича Серова (1963–2019) приурочено к 350-летнему юбилею Петра Великого – дате исключительно важной в истории России. Д. О. Серов, рано умерший, не дожидаясь этого празднования, хотя как раз он, как никто другой, мог бы активно и с пользой для общества участвовать во многих мероприятиях, которые запланированы на 2021–2022 гг. по всей стране. Дмитрий Олегович посвятил себя изучению Петровской эпохи и был одним из лучших знатоков петровского царствования.

Собранные в этом сборнике наиболее важные, на наш взгляд, петроведческие статьи Д. О. Серова, прежде рассеянные по множеству специализированных журналов и сборников, представляют научную ценность и не устареют многие десятилетия, ибо основаны на извлеченных на свет ранее неизвестных исторических сведениях. Дмитрий Олегович был истым фанатиком архивных изысканий: он проводил в архивах недели и годы в охоте за фактами, которые в его статьях блещут, как крупинки золотого песка, а то и как самородки.

Основная часть сборника состоит из четырех разделов. Из них первый и заключительный включают исследования Д. О. Серова, посвященные механизмам законотворчества Петра и его окружения, возникновению и функционированию новых государственных институтов. Эти проблемы и явления, имеющие важнейшее значение для понимания сути петровских преобразований, занимали особое место и в научной жизни автора статей данного сборника.

Д. О. Серов столь глубоко проникся этой эпохой, так хорошо знал биографии людей петровского круга, нюансы отношений, которые складывались в политической верхушке того времени, что порой кажется читателю непосредственным свидетелем событий, происходивших 300 лет назад. Дмитрий Олегович был мастером исторической биографии. Он мог позволить себе написать о своем герое так: «Между тем жизненный путь Михаила Андреевича заслуживает более подробного освещения», – и это не кажется фамильярностью, дурным вкусом: действительно, никто лучше его этого Михаила Андреевича не знал и вряд ли будет знать в будущем. Специальные исследования о людях Петровской эпохи составили второй раздел основной части этого сборника.

Еще одна грань, придающая творчеству Д. О. Серова особое значение (а сборнику ценность), состоит в том, что он очень плодотворно работал на стыке наук – истории и права (точнее, истории права). Это довольно редкое явление: как правило, историки не понимают юристов, берущихся за изучение истории права и правовых учреждений без специальной источниковедческой подготовки, свойственной историкам, и, наоборот, юристы удивляются

¹ Евгений Викторович Анисимов – доктор исторических наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

² Евгений Владимирович Акельев – кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра истории России Нового времени Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

невежеству историков, трактующих непростые юридические понятия без знания основ правоведения. Д. О. Серов успешно освоил язык науки истории права и благодаря этому сумел найти такую «оптику» в изучении фактов прошлого, которая показала Петровскую эпоху в новом ракурсе, порой под непривычным углом, что в конечном счете заметно обогатило наше представление о Петре и его времени. Читатель может в этом легко убедиться, обратившись к замечательным статьям, собранным в третьем разделе «Преступления и наказания».

Помещенные в этой книге работы, как нам кажется, довольно емко и выпукло отражают основные направления научного творчества Д. О. Серова, а вместе с этим – дают многомерное отображение Петровской эпохи. Но чтобы читатель мог составить полное представление о научной биографии Дмитрия Олеговича, мы решили поместить в сборник полный хронологический перечень его трудов, составленный Т. М. Комлевой и О. В. Соколовой, сотрудниками Информационно-библиографического сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, в котором Д. О. Серов 20 лет заведовал кафедрой теории и истории государства и права.

Однако научные работы, составляя, по словам В. О. Ключевского, важнейшие «биографические факты» в жизни ученого, никогда не заменят памяти о нем его друзей и коллег, которая, если не окажется материализована в напечатанных воспоминаниях, рискует исчезнуть бесследно. А ведь этих воспоминаний нам так всегда не хватает, когда мы, обращаясь к исследованиям наших предшественников, начинаем относиться к авторам как к родным людям, хотим побольше о них узнать: как они выглядели, как жили, как работали и т. д., но редко-редко удается сыскать об этом хоть какие-то сведения... Остаются только их научные труды. Памятуя об этом, мы решили дополнить сборник мемориальным блоком – воспоминаниями о Д. О. Серове других историков, его коллег и друзей, преимущественно специалистов по петровскому времени. Нашей целью здесь являлось создание исторического источника, благодаря которому будущие поколения исследователей эпохи Петра I смогут составить представление о том, каким человеком был Д. О. Серов. Надеемся, этому послужат и включенные в сборник фотографии.

Как уже было отмечено, собранные здесь статьи Серова были ранее напечатаны в различных специализированных научных сборниках и журналах. Мы благодарим их редакторов за любезное разрешение переиздать эти тексты в одной книге. Все статьи были сличены нами с первоначальными авторскими версиями, сохранившимися в архиве Д. О. Серова. В работе с этим архивом нам оказали неоценимую помощь его родные и близкие – мама Ирина Александровна Серова и приемный сын Кирилл Беликов. Статья «М. А. Косой – каменщик, еретик, обер-фискал» публикуется в расширенной авторской версии: как нам стало известно, Д. О. Серов делился этой статьей со своими коллегами именно в этой полной редакции, сожалея о том, что при подготовке к публикации текст подвергся сокращению³.

Справочный аппарат включенных в сборник статей был унифицирован. При этом внутритекстовые сноски преобразованы в подстрочные, а постраничные примечания в таких статьях заключены в квадратные скобки.

Большинство технических работ, связанных с подготовкой данного сборника, были выполнены стажером-исследователем Центра истории России Нового времени НИУ ВШЭ Марией Игоревной Парфеней. Именной указатель составлен Ниной Леонидовной Лужецкой.

При выполнении работ в рамках подготовки этого сборника составители пользовались финансовой поддержкой РФФИ (конкурс «Петровская эпоха в истории России: современ-

³ Е. Б. Смилянская в своих воспоминаниях (см. мемориальный раздел этой книги) цитирует письмо Д. О. Серова от 4 июня 2011 г., сохранившееся в ее электронной почте. К этому письму Д. О. Серов прикрепил свою работу о М. А. Косом, пояснив, что «статью эту приняли в следующий номер „ваковского“ „Вестника НГУ. Сер. История“, но при этом заставили совершенно „по-живому“ сократить. Тебе я посылаю исходный вариант».

ный научный взгляд»: Е. В. Анисимов – проект № 20-09-42051; Е. В. Акельев – проект № 20-09-42050).

Часть I. Законотворчество

ЗАКОНОТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

*Традиции и новации*⁴

История отечественного законотворческого процесса неоспоримо является сегодня одним из перспективных направлений историко-правовых исследований. Между тем до настоящего времени так и не появилось работ, специально посвященных законотворческому процессу в период реформ Петра I. Настоящая статья являет собой первый опыт обозрения архаических и новаторских особенностей, свойственных законотворческому процессу этого периода.

Для начала необходимо отметить, что для законотворческого процесса в России первой четверти XVIII в. была характерна тенденция к интенсификации. Эта тенденция обуславливалась, с одной стороны, проведением широкого круга военных, административных, судебных и социально-экономических преобразований (что привело к возникновению множества новых объектов правового регулирования), а с другой – усвоением законодателем к середине 1710-х гг. концепции «полицейского» государства (*Polizeistaat*) (что предполагало детальную нормативную регламентацию как различных сторон жизни подданных, так и организации государственного аппарата)⁵. Так, если за 47-летие, с февраля 1649 г. по февраль 1696 г., в нашей стране было издано 1458 нормативных актов, то лишь за 8-летие с 1717 г. по январь 1725 г. – 1584⁶. Наиболее емко цель выработки нового законодательства Петр I сформулировал в собственноручно написанном предисловии к Уставу воинскому 1716 г.: «Дабы всякой чин знал свою должность... и неведением не отговаривался»⁷.

В наибольшей мере следование традиции в законотворческом процессе первой четверти XVIII в. проявилось в сохранении у законодателя представления о том, что ключевым сегментом системы законодательства России должен являться акт всеобщей кодификации законодательства. Именно задача составления нового единого кодифицированного акта была поставлена перед обеими кодификационными комиссиями первой четверти XVIII в.: Палатой об Уложении 1700 г. и Уложенной комиссией 1720 г.

Не менее показателен в этом отношении и именной указ от 20 мая 1714 г. (черновая редакция которого была написана собственноручно царем) о признании высшей юридической силы за предшествующим единым кодифицированным актом – Уложением 1649 г. При этом в названном указе оговаривалось, что Уложение 1649 г. сохраняет силу до тех пор, пока не будет подготовлена его новая редакция («дондеже оно Уложение... изправлено и в народ публику-

⁴ Впервые опубликовано: Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 933–939.

⁵ В современной литературе концепцию «полицейского» государства (равно как и попытки ее реализации в практике государственного строительства в Западной Европе и России) наиболее развернуто осветил М. Раев (*Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология. Самара, 2000. С. 48–79). См. также диссертационное исследование Э. Б. Курзенина, специально посвященное рассмотрению политико-правовых взглядов С. Пуфендорфа, внесшего значительный вклад в развитие концепции «полицейского» государства: *Курзенин Э. Б.* Политико-правовое учение Самюэля Пуфендорфа: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999.

⁶ *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 16; *Акишин М. О.* «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 103.

⁷ Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 52.

вано будет»⁸). В свою очередь, в заключительной части Наказа «майорским» следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. Петр I удрученно констатировал, что «...Устава земского полного и порядочного не имеем»⁹.

Новацией в законотворческом процессе рассматриваемого периода стало изменение порядка официального опубликования нормативных актов, которые начали систематически тиражироваться типографским путем. Такое тиражирование было введено в России именным указом от 16 марта 1714 г. о печатании актов «о всех государственных генеральных делах»¹⁰. Согласно данному указу типографски начали публиковаться, во-первых, законы (в форме именных указов, имевших нормативное значение, уставов, инструкций, манифестов, регламентов, «должностей», «плакатов», «статей», «артикулов» и «процессов»), а во-вторых, акты, которые в современном понимании относятся к числу подзаконных – содержавшие нормы права указы Сената и распоряжения центральных органов власти (коллегий и канцелярий). Это означало принципиальный разрыв с архаической практикой предшествующих веков, когда нормативные акты обнародовались исключительно путем переписки, а правовая пропаганда сводилась к зачитыванию наиболее важных законов на городских площадях и торгах – что заведомо исключало сколько-нибудь прочное усвоение содержащихся в них норм даже непосредственными слушателями¹¹.

Как удалось установить, с марта 1714 г. по январь 1725 г. в России были типографски опубликованы 297 законодательных и иных нормативных актов¹². Наиболее важные законодательные акты обнародовались тогда неоднократно. К примеру, утвержденный царем 30 марта 1716 г. Устав воинский официально публиковался в первой четверти XVIII в. шесть раз: в июле 1716 г., в мае и декабре 1717 г., в мае 1718 г., в октябре 1719 г. и в июне 1721 г.¹³ Если учесть, что на протяжении XVII в. в нашей стране был напечатан единственный нормативный акт – Уложение 1649 г., подобный объем типографского тиражирования следует признать весьма значительным.

Официальное опубликование нормативных актов осуществляла в первой четверти XVIII в. главным образом Санкт-Петербургская типография, основанная в 1711 г. Печатные экземпляры законов, указов, манифестов, уставов распространялись тремя путями: во-первых, централизованно рассылались по государственным органам и учреждениям, во-вторых, вывешивались в Москве и Санкт-Петербурге в людных местах, в-третьих, передавались в свободную продажу. Это обеспечивало несомненно гораздо более широкое осведомление населения о содержании нормативных актов, нежели прежнее зачитывание их на площадях и торгах.

В тех случаях, когда нормативный акт не печатался, он обнародовался вполне традиционно – путем изготовления заверенных рукописных копий в канцелярии Правительствующего сената. Эти копии рассылались затем по центральным органам власти. В свою очередь, центральные органы власти, получив список акта, при необходимости организовывали дополнительное его тиражирование путем переписки – для рассылки по территориальным органам.

Подобным образом оказался обнародован, к примеру, закон «Должность генерала-прокурора», который не был опубликован типографски ни в редакции от 27 января 1722 г., ни в

⁸ Законодательные акты Петра I. С. 41.

⁹ «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков»: указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. 5. № 2785. С. 88–89.

¹¹ Подробнее см.: *Новомбергский Н. Я.* К вопросу о внешней истории Соборного уложения 1649 года // Исторические записки. М.; Л., 1947. Т. 21. С. 44–45.

¹² Подсчитано по: Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955; Описание изданий, напечатанных при Петре I: сводный каталог. Дополнения и приложения / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич, Р. И. Козинцева. Л., 1972.

¹³ Описание изданий гражданской печати. С. 192–193, 208, 217, 235, 267–268, 331.

редакции от 27 апреля 1722 г. Так, в Юстиц-коллегию заверенный список «Должности...» от 27 января 1722 г. поступил из Сената 20 февраля 1722 г. В Юстиц-коллегии этот список многократно переписали и, повторно заверив в собственной канцелярии, разослали «для ведома и исполнения» по надворным, городовым и провинциальным судам. Скажем, в канцелярию ландрихтера в Выборге копия «Должности...» поступила 9 апреля 1722 г.¹⁴

Еще одной новацией в законодательном процессе России первой четверти XVIII в. стало появление такой формы систематизации законодательства, как инкорпорация. Первым инкорпорационным актом в истории отечественного права следует признать сборник «Копии всех его царского величества указов, опубликованных от 714 года с марта 17 дня по нынешней 1718 год», обнародованный в 1718 г. В состав названного сборника вошли 49 прежде опубликованных нормативных актов, изданных с марта 1714 г. по март 1718 г.¹⁵ Как представляется, образцом для составления «Копий...» послужил, несомненно, хорошо известный советникам Петра I из числа балтийцев сборник «*Lieffländische Landes Ordnungen*» («Земские правила Лифляндии»). Данный сборник неоднократно печатался (в обновлявшихся редакциях) шведскими властями в Риге, последний раз – в 1707 г.¹⁶

На протяжении 1719–1725 гг. в России оказались опубликованы еще четыре подобных сборника (последний из них вышел из типографии 12 января 1725 г., за две недели до кончины Петра I)¹⁷. Подготовка сборников осуществлялась в канцелярии Правительствующего сената, так что инкорпорация носила официальный характер. Нормативный материал составители сборников располагали по хронологическому принципу. Наиболее значительным по объему был сборник 1719 г., в состав которого оказалось включено 88 нормативных актов, изданных с марта 1714 г. по декабрь 1718 г. (22 акта за 1714 г., 16 актов за 1715 г., 5 – за 1716, 6 – за 1717 г. и 39 – за 1718 г.)¹⁸. Примечательно, что в сборнике, опубликованном в июне 1721 г., составители дополнительно предусмотрели особый тематический указатель актов, выделив десять рубрик («глав»): «О военных, и к тому принадлежащих разных делах», «О судных и розыскных, принадлежащих до юстиции делах», «О ямах, почтах и подставах» и т. д.¹⁹ К примеру, в раздел 2 «О судных и розыскных, принадлежащих до юстиции делах» оказалось внесено 14 актов, начиная с распоряжения Юстиц-коллегии от 16 апреля 1719 г. об усилении борьбы с разбоями.

Законодательному процессу первой четверти XVIII в. была свойственна впервые реализованная масштабная рецепция западноевропейских правовых институтов, особенно широко – шведских²⁰. При этом отмеченная рецепция осуществлялась не одномерно, а по трем сценариям: 1) сопровождавшееся минимальной адаптацией прямое перенесение на отечественную почву иностранных правовых институтов; 2) углубленная адаптация зарубежных образцов к

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. № 104. Л. 3 – 3 об.

¹⁵ См.: Копии всех его царского величества указов, опубликованных от 714 года с марта 17 дня по нынешней 1718 год. СПб., 1718 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

¹⁶ *Кальвин В. Е.* Очерки истории государства и права Латвии в XI–XIX веках: эпоха феодализма и домонополистического капитализма. Рига, 1980. С. 84.

¹⁷ Описание изданий гражданской печати. С. 230, 256, 332–333, 435–436, 474.

¹⁸ См.: Копии его царского величества указов, опубликованных от 1714 года с марта 17 дня по нынешней 1719 год. СПб., 1719 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

¹⁹ Копии его царского величества указов, состоявшихся в 1719 и в 1720 годах. СПб., 1721. С. II, 1–5 (экземпляр Отдела редкой книги Библиотеки РАН).

²⁰ Крупнейшим вкладом в изучение темы о шведском влиянии на государственные преобразования в России конца 1710-х – начала 1720-х гг. на сегодня следует признать диссертацию К. Петерсона «Административная и судебная реформы Петра Великого: шведские образцы и процесс их адаптации», защищенную в ноябре 1979 г. на юридическом факультете Стокгольмского университета и изданную в том же году в виде монографии (см.: *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979). Современное автореферативное изложение материалов этого исследования см.: *Петерсон К.* Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 257–271.

российским условиям, попытки осуществить синтез зарубежных и отечественных правовых институтов; 3) поверхностное, фрагментарное заимствование иностранных правовых институтов.

Первый сценарий претворялся в жизнь в тех сферах преобразований, в которых соответствующие отечественные образцы либо отсутствовали как таковые, либо абсолютно не соответствовали проводимой законодателем линии реформирования – прежде всего, в военном и военно-морском законодательстве. К примеру, несмотря на активное участие Петра I в разработке первого военно-уголовного кодекса России – Артикула воинского 1714 г., этот законодательный акт остался в основе своей компиляцией западноевропейских уставов и инструкций. В еще большей мере очевиден аналогичный компилятивный характер «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» 1712 г. – первого отечественного военно-процессуального кодекса²¹.

Второй сценарий реализовывался в тех областях, в которых сложились столь прочные национальные традиции государственного строительства и правового регулирования, что законодатель не решился на их кардинальную ломку – в системе местных и высших органов государственной власти, в системе органов городского самоуправления, в общем судебном устройстве, в уголовном и гражданском законодательстве. Так, несмотря на стратегическую установку Петра I на систематическое перенесение на отечественную почву шведских правовых образцов, процесс этого перенесения осуществлялся отнюдь не прямолинейно, велась целенаправленная законотворческая работа по адаптации шведских институтов к российским условиям.

Рассмотрим, для примера, процесс заимствования из Швеции принципа структурного и функционального отделения судебных органов от административных. Наиболее радикальное установление по разграничению полномочий между административными и судебными органами российской законодатель внес в ст. 22 Инструкции или наказа земским комиссарам от января 1719 г.: «А что до юстиции в уезде принадлежит, то впредь губернатору или воеводе и земскому комиссару до онаго дела не иметь». В той же ст. 22 руководящим должностным лицам низовых органов управления предписывалось (всецело в шведском духе) оказывать органам правосудия необходимое содействие: «земскому комиссару яко нижнему начальнику в уезде нижнему суду вспоможение чинить»²². Зарубежное влияние здесь совершенно очевидно: как установил К. Петерсон, в качестве источника для составления Инструкции земским комиссарам 1719 г. была использована шведская Инструкция дистриктным управителям (*häradsfogde*) 1688 г.²³

А вот в изданной в том же январе 1719 г. Инструкции или наказе воеводам законодатель уже отказался от столь буквального копирования иностранного правового образца – при всем том, что названная Инструкция была, как продемонстрировал К. Петерсон, подготовлена на основе шведской Инструкции ландсховдингам (*landshövding*) 1687 г.²⁴ В ст. 5 шведской Инструкции говорилось: «Ландсховдинг да не будет никак касаться разбирательства спорных дел или смешивать свою и судебную должность – ни в городах, ни в деревне»²⁵. В ст. 5 российской Инструкции воеводам исходная шведская норма подверглась существенной переработке: «Хотя ему, воеводе, не надлежит ссор, тяжбного дела между подданных судить и судьям в расправе их помешательство чинить, однако ж ему крепко смотреть, чтоб земские судьи по

²¹ Подробнее см.: Серов Д. О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex Russica*. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2013. № 2. С. 113–121.

²² ПСЗ. Т. 5. № 3295. С. 637.

²³ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. P. 268.

²⁴ Ibid. P. 270–281.

²⁵ Цит. по: Ibid. P. 272.

данной им инструкции уездный суд управляли и подданных продолжением и волокитами не утесняли»²⁶.

Одновременно в ст. 6 российской Инструкции оказалось предусмотрено право воеводы вносить в надворный суд протесты на решения по гражданским делам, вынесенные размещенными в провинции судами первого звена. Иными словами, не желая вовсе порывать с многовековой отечественной традицией, по которой местный орган общего управления обладал на подведомственной территории всей полнотой власти, законодатель в 1719 г. сохранил за главой провинциальной администрации, в современном понимании, право надзора за деятельностью «нижних» судов.

В рамках второго сценария крупнейшей попыткой осуществить синтез российской и зарубежной систем законодательства стал грандиозный проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг., подготовка которого осуществлялась Уложенной комиссией 1720 г.²⁷ Создававшийся во исполнение указания Петра I составить «Уложение российское с шведским», этот законопроект разрабатывался путем взаимосоумещения норм, извлеченных из широкого круга шведских и российских законодательных источников, особое место среди которых занимало Уложение 1649 г. Как установил А. С. Замуруев, нормы шведских нормативных актов были использованы в качестве источника при подготовке 32% статей проекта Уложения 1723–1726 гг. Источниками 30% статей проекта послужили нормы российского законодательства первой четверти XVIII в., источниками 15% статей – нормы Уложения 1649 г.²⁸

Третий из отмеченных сценариев воплощался в жизнь в тех случаях, когда законодатель либо не имел достаточных сведений об избранном в качестве образца зарубежном правовом институте, либо стремился лишь ограниченно модернизировать существовавший российский институт. Крайним выражением подобного сценария явился феномен использования иноязычной терминологии для обозначения создававшихся российских институтов, вообще не имевших зарубежных аналогов. Скажем, совершенно очевидны глубокие различия в компетенции основанной в 1722 г. российской прокуратуры и ее зарубежного прообраза – прокуратуры Франции (*ministère public, parquet*).

Если обратиться к тексту закона «Должность генерала-прокурора» (в редакциях от 27 января 1722 г. и от 27 апреля 1722 г.), то станет очевидным, что новоучрежденная российская прокуратура в качестве базисной получила отнюдь не присущую французской прокуратуре функцию уголовного преследования, а вполне оригинальную функцию общего надзора²⁹. Таким образом, заимствовав из Франции наименование должностных лиц прокуратуры (а также принцип централизации в ее построении), Петр I наделил прокуратуру России в момент основания существенно иными полномочиями.

Наиболее же ярким примером использования иноязычного термина для обозначения вполне оригинального российского учреждения следует признать историю с Юстиц-коллегией. Основанная в 1717 г. Юстиц-коллегия не имела не только шведского, но и вообще какого-либо зарубежного образца – по причине возложения на нее функции судебного управления, невиданной для государственного аппарата ни одной из стран Европы³⁰. Сам термин «Юстиц-

²⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3294. С. 625.

²⁷ Наибольшим вкладом в изучение проекта Уложения 1723–1726 гг. следует признать оставшуюся малоизвестной в России статью К. Петерсона 1983 г. «Использование датского и шведского права в Уложенной комиссии Петра Великого 1720–1725 гг.», а также защищенную в январе 1993 г. диссертацию А. С. Замуруева, опубликованную в 2006 г. (*Peterson C. Användningen av dansk och svensk rätt i Peter den stores lagkommission, 1720–1725 // Danske og Norske Lov i 300 år / Red. Ditlev Tamm. København, 1983. S. 369–404; Замуруев А. С. Проект Уложения Российского государства 1723–1726 годов – памятник отечественной политико-правовой мысли // Замуруев А. С. Работы разных лет. Псков, 2006. С. 156–366*).

²⁸ Замуруев А. С. Проект. С. 313.

²⁹ Подробнее см.: Серов Д. О. Петр I и прокуратура Франции // Законность. 2011. № 1. С. 58–60.

³⁰ В этом отношении особенно показательны безуспешные попытки К. Петерсона отыскать аналог Юстиц-коллегии в судебной системе Швеции начала XVIII в. (*Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 307–311*).

коллегия», вероятнее всего, впервые появился (в написании «*Justice-Collegium*») в записке Г.-В. Лейбница, представленной Петру I в 1711 г.³¹

Наконец, нельзя не отметить, что к законотворческому процессу в России первой четверти XVIII в. оказались впервые широко привлечены состоявшие на российской службе иностранные специалисты, ряд из которых имел высшее юридическое образование. Из числа таких лиц следует отметить прежде всего Генриха Фика (*Heinrich Fick*), Генриха Гюйсена (*Heinrich Freiherr von Hüysen*), Германа Бреверна (*Hermann von Brevern*), Магнуса Нирота (*Magnus Wilhelm von Nieroth*), Сигизмунда Вольфа (*Sigismund Adam Wolf*), Эрнста Кромпейна (*Ernst Friedrich Krompein*). К примеру, обучавшийся юриспруденции в Йенском университете бывший шведский адвокат Э. Кромпейн явился составителем проектов Артикула воинского и «Краткого изображения процессов...», а также одним из основных участников подготовки проекта Уложения 1723–1726 гг.

Подводя итог изложенному выше, следует заключить, что в законотворческом процессе в России первой четверти XVIII в. следование традиции выразилось в устойчивом сохранении у законодателя представления о том, что ключевым сегментом системы законодательства должен быть единый кодифицированный акт. Новациями в законотворческом процессе этого периода явились: введение официального опубликования нормативных актов типографским путем, появление инкорпорации, а также невиданная по масштабу рецепция западноевропейских правовых институтов. Вместе с тем означенная рецепция происходила отнюдь не прямолинейно, иностранные образцы нередко глубоко адаптировались к российским условиям.

³¹ *Petschauer P.* The Philosopher and the Reformer: Tsar Peter, G. W. Leibniz and the College System // *Canadian-American Slavic Studies*. 1979. Vol. 13. № 4. P. 486.

ПОДГОТОВКА СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ ПЕТРА I

Концепция, зарубежные образцы, законотворческий процесс ³²

Исследование судебных реформ неоспоримо составляет одно из важнейших направлений в познании истории государства и права. Эти реформы являют собой поворотные точки в истории судебной власти любой страны. Всесторонние разыскания касательно обстоятельств проведения судебных преобразований – от их замысла до результатов – позволяют, с одной стороны, приблизиться к пониманию межвековых закономерностей функционирования национальной судебной системы, а с другой – к пониманию закономерностей в достижении как позитивных, так и негативных итогов самих этих преобразований.

Что касается первой из отечественных судебных реформ – Петра I, то события этой реформы оказались изучены к настоящему времени сравнительно подробно, хотя и неравномерно. Осуществленные в России в первой четверти XVIII в. судебные преобразования начали привлекать внимание ученых авторов еще в середине века XIX. Именно тогда к углубленному изучению данных преобразований обратились правоведы К. Д. Кавелин, К. Е. Трощина и Ф. М. Дмитриев. Опираясь почти исключительно на материалы Первого Полного собрания законов Российской империи, названные исследователи сумели вполне целостно изложить основные тенденции развития отечественного суда в Петровскую эпоху³³. Примечательно, однако, что ни К. Д. Кавелин, ни К. Е. Трощина, ни Ф. М. Дмитриев не интерпретировали рассмотренные ими судебно-преобразовательные меры Петра I как судебную реформу.

Не вдаваясь в детальный обзор последующих изысканий по истории отечественных судебных преобразований первой четверти XVIII в., необходимо отметить, что как «судебную реформу Петра Великого» эти преобразования впервые обозначил Ю. В. Готье в работе 1915 г.³⁴ В целом же наибольший вклад в изучение судебной реформы Петра I в XX в. внесли российские ученые М. М. Богословский, М. А. Чельцов-Бебутов, Н. Н. Ефремова, а также шведский правовед К. Петерсон, автор диссертации «Административная и судебная реформы Петра Великого: Шведские образцы и процесс их адаптации», защищенной в 1979 г. в Стокгольмском университете и изданной в том же году в виде монографии³⁵.

В начале XXI в. обстоятельства судебной реформы Петра I получили освещение прежде всего в фундаментальном шеститомнике О. Е. Кутафина, В. М. Лебедева и Г. Ю. Семигина «Судебная власть в России», в труде А. И. Александрова, в учебных пособиях Л. М. Балакиревой и С. В. Лонской³⁶. Наконец, нельзя обойти упоминанием защищенное в 2005 г. диссер-

³² Впервые опубликовано: *Lex Russica*. 2007. № 5. С. 813–828.

³³ *Кавелин К. Д.* Устройство гражданских судов от Уложения царя Алексея Михайловича до Петра Великого // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным. М., 1842. Т. 2. С. 83–119; *Трощина К. Е.* История судебных учреждений в России. СПб., 1851. С. 123–186; *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 441–450, 483–487, 502–506, 535–580.

³⁴ *Готье Ю. В.* Отделение судебной власти от административной // Судебная реформа. М., 1915. Т. 1. С. 186.

³⁵ *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 164–256; *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. [2-е изд.] СПб., 1995. С. 701–715; *Ефремова Н. Н.* Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (Историко-правовое исследование). М., 1993. С. 27–77; *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 305–355.

³⁶ *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. М., 2003. Т. 2. С. 120–150; *Александров А. И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы. СПб., 2003. С. 153–172; *Балакирева Л. М.* Судебная реформа Петра I: Юстиц-коллегия: Учеб. пособие. Новосибирск, 2003; *Лонская С. В.* Российские судебные реформы XVIII–XX века: Учеб. пособие. Калининград, 2003. С. 6–35.

тационное исследование специалиста по истории Сибири М. О. Акишина «Судебная реформа Петра I», результаты которого оказались, правда, слабо отражены в опубликованных работах³⁷.

Однако, несмотря на столь длительную традицию изучения петровской судебной реформы, на сегодняшний день так и не появилось исследования, специально посвященного вопросу о том, как же складывалась подготовка этой реформы. В литературе донныне не рассматривались – в надлежащей взаимоувязанности – ни вопрос о политико-правовом основании реформы, ни вопрос о ее исходной концепции (каковой вообще не затрагивался), ни вопрос о том, как выкристаллизовывался конечный замысел законодателя о путях проведения реформы, ни вопрос о том, как осуществлялась выработка ее нормативной основы. Преодолеть обозначенный историографический пробел и призвана настоящая статья.

Политико-правовым основанием реформы явилась исподволь, но прочно усвоенная Петром I концепция «полицейского» государства (*Polizeistaat*)³⁸. Цель «полицейского» (или, по российской терминологии первой четверти XVIII в., «регулярного») государства заключалась в том, чтобы обеспечить подданным достижение «общего блага» – *salus publica*. Достигнуть такого «общего блага» можно было в том единственном случае, когда «полицейское» государство, с одной стороны, всесторонне регламентирует жизнь подданных посредством издания «правильных» законов и распоряжений, а с другой – обеспечит их неукоснительное исполнение.

В свою очередь, теоретической основой для построения механизма «полицейского» государства стала концепция камерализма, решающий вклад в выработку которой внес немецкий юрист XVII в. В. В. Секендорф (*Veit Ludwig von Seckendorff*)³⁹. Принципы камерализма заключались, во-первых, в коллегиальном характере руководства органами власти, во-вторых, в последовательно отраслевом характере компетенции центральных органов, в-третьих, в детальной регламентации профессиональной деятельности государственных служащих всех уровней.

Вместе с тем нельзя не отметить, что ни в концепции камерализма, ни в концепции «полицейского» государства не уделялось специального внимания судебной системе, в этих концепциях – даже отдаленно – не ставился вопрос о разделении властей⁴⁰. Поэтому (на что не обратили внимание предшествующие авторы) Петр I заведомо не мог осознавать судебную реформу в качестве особой линии осуществлявшихся им государственных преобразований. Нет сомнений, что на субъективном уровне первый российский император проводил судебную реформу в русле реформы административной, в рамках общего переустройства государственного аппарата.

Как известно, избрав в середине 1710-х гг. стратегическую линию на построение в нашей стране «полицейского» государства, Петр I решил преобразовывать отечественный государственный аппарат не «с нуля», а использовать для этой цели готовые иностранные образцы. Соответственно, на протяжении 1715–1716 гг. будущий император целенаправленно определял ту страну, государственное устройство и законодательство которой в наибольшей мере соответствовали бы идеалу *Polizeistaat*.

³⁷ Акишин М. О. Судебная реформа Петра I: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. Достоинно удивления, что значительная часть автореферата представляет собой обзор хрестоматийно известных сведений о развитии судебной системы и уголовно-процессуального права России в первой четверти XVIII в.

³⁸ В новейшей литературе концепция «полицейского» государства (равно как и попытки ее практической реализации в Западной Европе и России) наиболее развернуто освещена М. Раевым (*Раев М.* Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Пер. с англ. Самара, 2000. С. 48–79).

³⁹ Подробнее о концепции камерализма см.: *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 5–10, 114–115; *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со шведского. М., 1996. С. 239–241; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб., 1997. С. 104–105.

⁴⁰ Об истории складывания теории разделения властей в XVII – начале XVIII в. см.: *Ячевский В. В.* Учение о разделении властей: исторический аспект // Юридические записки. Воронеж, 1997. Вып. 6. С. 134–136; *Разделение властей: Учеб. пособие / Под ред. М. Н. Марченко.* 2-е изд. М., 2004. С. 13–25.

В итоге в качестве образца для проведения административной и судебной реформ в России Петр I избрал Шведское королевство. В силу этого шведское влияние на осуществленное в конце 1710-х – начале 1720-х гг. переустройство отечественного госаппарата оказалось весьма значительным⁴¹.

Что же представляло собой судебное устройство Швеции в середине 1710-х гг.?

К описываемому времени в Шведском королевстве функционировала судебная система, сердцевину которой составляла четырехзвенная система судов общей юрисдикции⁴². В отличие от дореформенной России данные шведские суды были (в первых трех звеньях) полностью отделены от органов управления. Достоинство упоминания, что во фрагментарной характеристике шведской судебной системы, помещенной в докладе Юстиц-коллегии от мая 1718 г., было дано первое в отечественном правоведении определение суда общей юрисдикции: это суд, в котором «*без всякого изъятия все дела управляются, которые до юстиции надлежат*»⁴³.

Первое (основное) звено судов общей юрисдикции образовывали *дистриктные суды* (по-шведски *häradsträtt*), состоявшие из дистриктового судьи и трех-пяти выборных заседателей из крестьян. Юрисдикция дистриктных судов распространялась – почти по всему кругу уголовных и гражданских дел – на все население дистрикта, проживавшее в сельской местности, а также в небольших городах, не имевших магистратов.

Судом второго звена в Швеции начала XVIII в. являлись *провинциальные суды* (*lagmansrätt*). В состав данных судов входили провинциальный судья и четыре-шесть заседателей, в качестве которых выступали дистриктные судьи. По отношению к дистриктному суду *lagmansträtt* выступал в качестве апелляционной инстанции. Кроме того, провинциальный суд мог действовать и в качестве суда первой инстанции – в случае переноса особо сложного дела из дистриктового суда.

Судом третьего звена в тогдашней Швеции являлись *апелляционные суды* (*hovrätt*). Будучи главным образом апелляционной инстанцией по отношению к провинциальным судам и магистратам, апелляционные суды выступали и в роли суда первой инстанции – при рассмотрении особо важных дел по обвинениям дворян, а также дел о государственных преступлениях и преступлениях против интересов службы. При этом, в отличие от дистриктных и провинциальных судов, размещение которых напрямую соотносилось с административно-территориальным делением Шведского королевства, апелляционные суды имели межрегиональную дислокацию, будучи центрами своего рода судебных округов. К 1700 г. в Швеции существовало четыре апелляционных суда: в Стокгольме (основанный первым, еще в 1614 г. Шведский апелляционный суд – *Svea hovrätt*), в Йенчепинге, в Або (нынешнем Турку) и в Дерпте (нынешнем Тарту – основанный в 1630 г. Лифляндский апелляционный суд)⁴⁴.

Подобно нижестоящим судебным органам, апелляционные суды имели коллегиальное устройство. Более того: по организационной структуре апелляционные суды почти не отличались от центральных органов управления – коллегий. В судейский состав апелляционного суда входили президент, вице-президент и ассессоры (в состав *Svea hovrätt* – еще и советники).

⁴¹ Крупнейшим вкладом в изучение темы о шведском влиянии на государственные преобразования в России первой четверти XVIII в. нельзя не признать отмеченный выше диссертационный труд К. Петерсона. В нашей стране рассматриваемую тему впервые затронул в 1860-х гг. правовед А. Д. Градовский. В XX в. тема о шведском влиянии разрабатывалась в России исключительно историками, наиболее плодотворно – Г. А. Некрасовым и Е. В. Анисимовым (*Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 92–93, 96; *Некрасов Г. А.* Учреждение коллегий и шведское законодательство // Общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1975. С. 334–343; *Анисимов Е. В.* «Шведская модель» с русской «особостью»: реформа власти и управления при Петре Великом // Звезда. 1995. № 1. С. 133–150).

⁴² О судеустройстве Швеции начала XVIII в. см.: *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 62, 251, 309–310, 312, 318–319.

⁴³ Законодательные акты Петра I. С. 368.

⁴⁴ В 1702 г. по обстоятельствам военного времени Лифляндский апелляционный суд был передислоцирован в Ригу (см.: *Егоров Ю. А.* Вопросы истории государства и права Эстонской ССР до Октябрьской революции. Тарту, 1978. Вып. 4. С. 49).

Необходимо отметить, что Шведский апелляционный суд имел статус *primus inter pares* среди остальных апелляционных судов. В Форме правления 1634 г. апелляционный суд в Стокгольме был упомянут в ряду коллегий и на него был возложен надзор за единообразным применением законодательства (в первую очередь, процессуального) всеми судебными органами Шведского королевства. Согласно ст. 5 Формы правления, президент *Svea hovrätt* обладал прерогативой «консультировать, представлять [перед королем] и поддерживать» все прочие суды королевства⁴⁵. Вместе с тем, несмотря на особый статус, апелляционный суд в Стокгольме отнюдь не обладал функциями центрального органа судебного управления (подобный орган власти в Швеции отсутствовал как таковой).

Наконец, судом четвертого (высшего) звена в Швеции 1710-х гг. являлась *Королевская судебная ревизия (Justitierevisionen)*. Соответственно, в названную инстанцию в апелляционном порядке поступали дела из апелляционных судов. Будучи структурным подразделением Государственного совета Швеции, Королевская судебная ревизия рассматривала дела под председательством непосредственно монарха.

Остается добавить, что существенной особенностью судейского корпуса Швеции начала XVIII в. являлся его высокий образовательный уровень. Образовательной подготовленности шведских судей способствовало то обстоятельство, что по состоянию на 1700 г. в королевстве насчитывалось четыре университета (в Упсале, Лунде, Або и Дерпте), все из которых имели юридические факультеты⁴⁶. Неудивительно поэтому, что, по репрезентативным данным А. Теринга, в конце XVII в. все ассессоры Лифляндского апелляционного суда имели высшее юридическое образование. Более того: в то время дипломированными юристами в названном суде являлись не только судьи, но даже часть старших канцелярских служащих (нотариусов, актуариусов и секретарей)⁴⁷.

Была ли у Петра I какая-либо концепция судебных преобразований, кроме общей установки максимально учесть опыт шведского судоустройства и судопроизводства? Разумеется, в условиях второго десятилетия XVIII в. о выработке развернутой программы судебной реформы (вроде более поздних «Основных положений преобразования судебной части в России» 1862 г. и Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г.) не могло быть и речи. Вместе с тем, приступая к проведению реформы, законодатель в лице Петра I не мог не иметь более конкретных исходных представлений о том, как должна быть выстроена способная эффективно функционировать национальная судебная система.

Как представляется, единственный дошедший до нас след изначального замысла царя по реформированию отечественного суда оказался запечатлен в предварительной росписи коллегий и их штатов 1717 г. Этот многообразно примечательный законопроектный документ, собственноручно написанный Петром I в период между октябрём и началом декабря 1717 г., был введен в научный оборот и опубликован Н. А. Воскресенским. Однако не раз привлекавший внимание исследователей документ анализировался в предшествующей литературе исключительно в связи с номенклатурой перечисленных в нем коллегий⁴⁸.

Между тем в предварительной росписи коллегий 1717 г. зафиксировалось также уникальное, не повторявшееся более пояснение, что же Петр I намеревался передать в ведение проектируемой Юстиц-коллегии (каковая отсутствовала в Швеции и мысль о которой царю

⁴⁵ Цит. по: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 310.

⁴⁶ История Тартуского университета. 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982. С. 18, 28, 33.

⁴⁷ Tering A. Über die Juristenausbildung der Mitglieder des Hofgerichts in Dorpat (Tartu) 1630–1710 // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1989. Вып. 868. S. 30, 49–50. Примечательно, что в 1693 г. руководство Дерптского университета выступило с инициативой (впрочем, безрезультатной) организовать практику студентов юридического факультета в Лифляндском апелляционном суде (История Тартуского университета. С. 38–39).

⁴⁸ Некрасов Г. А. Учреждение коллегий. С. 340; Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 84–85; Анисимов Е. В. Государственные преобразования. С. 117–118.

еще в 1711 г. подсказал Г. Лейбниц⁴⁹). По поводу Юстиц-коллегии в росписи 1717 г. значилось: «*Юстиц-коллегиум – всякой суд во всех делех*»⁵⁰. Именно в приведенной фразе и отразилась важнейшая грань исходного замысла законодателя по реорганизации отечественного суда.

Замысел этот заключался, как можно видеть, в создании строго централизованной системы судебных органов, всецело замкнутой – и в судебном, и в административном отношении – на Юстиц-коллегию. Будучи воплощена на практике, подобная система отличалась бы, во-первых, организационным единством (что, в свою очередь, способствовало бы установлению единообразия в применении процессуального законодательства), а во-вторых, ведомственной обособленностью (что способствовало бы структурному отделению органов правосудия от органов управления). Совершенно очевидно, что реализация такого замысла Петра I явилась бы важным шагом на пути укрепления независимости суда и тем самым на пути формирования в нашей стране ветви судебной власти.

В соответствии с обрисованным замыслом царя, начальным шагом первой отечественной судебной реформы как раз и стало основание Юстиц-коллегии (что явилось одновременно элементом реформы административной). Это основание последовало (одновременно с учреждением еще восьми коллегий) согласно именному указу от 15 декабря 1717 г.⁵¹

Президентов и вице-президентов коллегий Петр I назначил тем же указом от 15 декабря 1717 г. Президентом Юстиц-коллегии стал бывший посол России в Голландии, а затем в Австрии граф Андрей Артамонович Матвеев, вице-президентом – бывший вице-президент Лифляндского апелляционного суда Герман Бреверн (*Hermann von Brevern*). Именно бывшему дипломату А. А. Матвееву и бывшему шведскому судье Герману Бреверну довелось на исходе 1717 г. взяться за построение нового российского суда.

Первый серьезный подступ к реорганизации отечественного судостроительства Юстиц-коллегия предприняла в начале мая 1718 г. Тогда А. А. Матвеев направил Петру I особый «Доклад о Коллегии юстиции», содержащий пять пунктов – вопросов к царю по различным направлениям деятельности коллегии. Петр I не оставил без внимания обращение президента Юстиц-коллегии. Уже 9 мая 1718 г. царь собственноручно наложил резолюции на все пункты «Доклада о Коллегии юстиции».

Особое значение для дальнейшего хода судебной реформы имела высочайшая резолюция на первый пункт доклада А. А. Матвеева. В этой наиболее пространной из резолюций от 9 мая 1718 г. Петр I определил: «...*Поместному приказу быть особливо (для умножения дел), однако ж под управлением Юстиц-коллегии. А спорные дела для решения приносить в Юстиц-калегию. Судам быть по городам, а главным в каждой губернии по одному, а малые под оным, а главные губер[н]ские под Юстиц-калегии*»⁵².

В приведенной резолюции законодатель, во-первых, подтвердил реконструированный выше исходный замысел на создание в России строго централизованной судебной системы во главе с Юстиц-коллегией, а во-вторых, впервые конкретизировал свое видение устройства низовых звеньев этой системы. Реализуя исходный замысел реформы, будущий император оговорил подчинение Юстиц-коллегии старинного Поместного приказа – судебного органа специальной юрисдикции, рассматривавшего дела по дворянскому землевладению (хотя и при сохранении его структурной обособленности).

Что касается будущей организации низовых звеньев судебной системы, то из высочайшей резолюции на первый пункт доклада А. А. Матвеева вырисовывалась следующая конструкция: первое звено – городские суды, второе звено – губернские суды, третье звено – Юстиц-кол-

⁴⁹ *Petschauer P. The Philosopher. P. 478–473, 486.*

⁵⁰ Законодательные акты Петра I. С. 218.

⁵¹ См.: Законодательные акты Петра I. С. 220.

⁵² Там же. С. 368.

легия. При этом предшествующие авторы не обратили внимания на то обстоятельство, что в резолюциях от 9 мая 1718 г. Петр I ни словом не упомянул о Правительствующем сенате. И дело здесь было не только в том, что А. А. Матвеев не поставил в майском докладе вопроса касательно судебной-иерархических взаимоотношений Юстиц-коллегии и Сената. Не вызывает сомнений, что в мае 1718 г. законодатель еще не определился, сохранять ли вообще за Правительствующим сенатом судебные функции.

То, что Петр I испытывал значительные колебания на этот счет, очевидно из составленной до декабря 1718 г. первой редакции закона «Должность Сената». В этой редакции ни слова не сказано о деятельности Сената как органа правосудия⁵³. Вместе с тем столь же очевидно, что в мае 1718 г. законодатель и помыслить не мог, чтобы лишить судебной власти монарха.

На основании вышеизложенного представляется, что практическое воплощение приведенной выше резолюции от 9 мая 1718 г. могло бы привести к созданию в России стройной и внутренне целостной четырехзвенной системы судов общей юрисдикции: *городовой суд – губернский суд – Юстиц-коллегия – самодержец*. Кроме того, наряду с упомянутым в резолюции от 9 мая 1718 г. Поместным приказом к Юстиц-коллегии как к апелляционной или как к ревизионно-решающей инстанции могли бы в перспективе – сообразно духу исходного замысла Петра I – оказаться пристыкованы и другие тогдашние судебные органы специальной юрисдикции: от Преображенского приказа до военных судов. В этом случае наша страна получила бы передовую (даже по строгим европейским меркам) судебную систему, способную со временем перерасти в жизнеспособную ветвь судебной власти.

Однако приведенная резолюция от 9 мая 1718 г. явилась отнюдь не последним словом законодателя. Работа по выработке окончательного плана судебной реформы продолжилась и далее. Именно поэтому осенью 1718 г. появились два проекта реорганизации отечественной судебной системы. Это были проекты президента Юстиц-коллегии А. А. Матвеева и камер-советника Генриха Фика (*Heinrich Fick*), основного консультанта царя по шведским образцам реформы.

Проект Г. Фика был изложен во «Всепопданнейших замечаниях об устройении шведских верхних и нижних земских судов» от 3 октября 1718 г., проект А. А. Матвеева – в его доношении Сенату от 15 ноября 1718 г. Оба этих проекта отложились к настоящему времени в книге 58 фонда «Сенат» Российского государственного архива древних актов⁵⁴. Будучи введены в научный оборот и впервые проанализированы М. М. Богословским, данные проекты впоследствии рассматривались также К. Петерсоном и Л. М. Балакиревой⁵⁵. Проект А. А. Матвеева издал Н. А. Воскресенский, проект Г. Фика доньше не публиковался⁵⁶.

В состоявших из четырех пунктов «Всепопданнейших замечаниях...» (подготовленных, кстати, по просьбе Г. Бреверна) Генрих Фик изложил свой вариант адаптации шведской судебной системы к российским условиям. Прежде всего, по сформулированной в первом пункте проекта мысли камер-советника, в крепостнической России не имело смысла учреждать судебный орган, подобный шведскому дистриктному суду, поскольку любой помещик обладал в отношении принадлежавших ему крестьян правом вотчинного суда. Исходя из этого, Генрих Фик предложил в качестве суда первого (основного) звена образовать в нашей стране *земские суды*, которые функционировали бы на уровне провинции.

⁵³ См.: Там же. С. 284–285.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 58. Л. 34–35 (проект Г. Фика), Л. 314 – 314 об. (проект А. А. Матвеева). «Всепопданнейшие замечания...» написаны по-немецки и представляют собой автограф Генриха Фика (подстрочный перевод этого текста для настоящей статьи выполнил И. А. Канакин).

⁵⁵ *Богословский М. М.* Областная реформа. С. 167–172; *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 319–324; *Балакирева Л. М.* Судебная реформа Петра I. С. 119–122.

⁵⁶ См.: Законодательные акты Петра I. С. 369–370.

Эти самые земские суды должны были состоять из председательствующего ландрихтера и четырех-шести ассессоров из числа местных «образованных дворян». Согласно рассуждениям Г. Фика, земским судам надлежало разбирать уголовные и гражданские дела всех жителей провинции, включая крепостных крестьян (если они обвинялись в совершении особо тяжких преступлений), а также посадских людей тех городов, в которых отсутствовали магистраты.

В качестве суда второго звена отечественной судебной системы Г. Фик проектировал создать *надворные суды* («*Hofgericht*») – аналог шведских апелляционных судов. Согласно второму пункту «Всепопданнейших замечаний...», в России предлагалось основать шесть надворных судов: в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Тобольске, Киеве и Риге (в последнем случае речь шла, строго говоря, о сохранении Лифляндского апелляционного суда).

Третьим (высшим) звеном отечественной судебной системы, по замыслу Г. Фика, становилась заседавшая под председательством монарха *Высшая судебная ревизия* («*hohe Justitz-Revision*») – подобие шведской Королевской судебной ревизии. Правда, возможный состав Высшей судебной ревизии камер-советник обозначил вариативно: либо группа специально отобранных царем сенаторов совместно с президентом Юстиц-коллегии, либо общее собрание Сената (с обязательным участием вице-президента Юстиц-коллегии), либо собрание присутствия Юстиц-коллегии.

Заключительный, четвертый пункт «Всепопданнейших замечаний...» посвящался Юстиц-коллегии. Не желая превращать названную коллегию в орган судебного управления, Г. Фик выдвинул предложение совместить Юстиц-коллегию со столичным надворным судом. В этом случае Юстиц-коллегия оказывалась бы судебным органом второго звена и выполняла бы точно такие же функции, как апелляционный суд в Стокгольме (упомянутый *Svea hovrätt*). Таким образом, согласно проекту Генриха Фика, система судов общей юрисдикции России должна была обрести следующий вид: *земский суд – надворный суд – Высшая судебная ревизия/самодержеи*.

По-другому будущую организацию российского суда представлял А. А. Матвеев. В качестве суда первого звена президент Юстиц-коллегии предложил учредить «*городовые меньшие земские суды*». Отмеченный судебный орган образовывался бы, по мысли А. А. Матвеева, один на два уезда и состоял бы из единоличного судьи – ландрихтера.

В качестве суда второго звена президент Юстиц-коллегии планировал создать располагавшиеся в губернских городах «*начальные суды*», в состав которых аналогично входил бы единоличный судья – обер-ландрихтер, назначавшийся из числа «*делных и знатных*» дворян (о желательности наличия у обер-ландрихтеров еще и какого-то образования А. А. Матвеев, похоже, даже не задумывался). Судом третьего звена Андрей Матвеев видел Юстиц-коллегию.

И хотя в проекте А. А. Матвеева ничего не говорилось о верхних звеньях судебной системы, такую судебную инстанцию, как монарх, исключить он, естественно, не мог. Сложнее понять, планировал ли президент Юстиц-коллегии сохранять судебные функции за Правительствующим сенатом. Учитывая, однако, что в характеризуемом проекте Юстиц-коллегия была наименована «*вышним [высшим] судом*», представляется более вероятным, что в ноябре 1718 г. Андрей Матвеев не рассматривал Сенат как особое звено будущей судебной системы. В итоге, если полностью реконструировать ноябрьский проект А. А. Матвеева, то предлагаемая им система судов общей юрисдикции будет выглядеть так: *меньший земский суд – губернский начальный суд – Юстиц-коллегия – самодержеи*.

Между тем уже очень скоро, в направленном Петру I «Докладе из Коллегии юстиции» от 3 декабря 1718 г., А. А. Матвеев значительно отступил от предложений ноябрьского проекта. Пространный, состоявший из восьми пунктов «Доклад из Коллегии юстиции» был посвящен проблеме укрепления инстанционности в судопроизводстве. Во втором пункте «Доклада...»

говорилось, в частности, о том, что «будут везде по губерниям, по провинциям и по городам учреждены суды и судьи, а над ними всеми – вышней надворной суд»⁵⁷.

В том же втором пункте пояснялось, что апелляционные жалобы на решения и приговоры городских и провинциальных судов должны подаваться в совмещенный с органом управления губернский суд. Тем самым в качестве будущего суда первого (основного) звена президент Юстиц-коллегии рассматривал как городские, так и провинциальные суды (а вовсе не фигурировавшие в ноябрьском проекте малые земские суды). Из пунктов третьего и четвертого «Доклада из Коллегии юстиции» явствовало, что под «вышним надворным судом» – апелляционной инстанцией по отношению к губернским судам – Андрей Матвеев подразумевал саму Юстиц-коллегию⁵⁸.

Кроме того, в четвертом пункте доклада от 3 декабря 1718 г. А. А. Матвеев впервые обозначил в качестве особого звена судебной системы Правительствующий сенат. Сенат появился в судеустройственных замыслах президента Юстиц-коллегии не случайно. Дело в том, что в это же время, не позднее начала декабря, к решению о необходимости сохранить за Правительствующим сенатом судебные функции пришел законодатель.

Позиция Петра I относительно Сената как органа правосудия окончательно сформировалась в ходе работы над проектом упомянутого закона «Должность Сената». Предшествующие авторы не обратили внимания на то обстоятельство, что уже во вторую редакцию указанного проекта (подготовленную как раз к декабрю 1718 г.) царь собственноручно вписал установление о том, что «когда какая челобитная от нас [монарха] подписана будет, дабы разыскать между челобитчиком и Юстиц-коллегиум, оное им [сенаторам] разыскать...». Приведенным установлением (дословно перенесенным затем в ст. 4 закона «Должность Сената») закреплялось положение Сената как судебной инстанции, вышестоящей по отношению к Юстиц-коллегии⁵⁹.

Возвращаясь к декабрьскому «Докладу из Коллегии юстиции», следует отметить, что, согласно его пятому пункту, принесение апелляционных жалоб на решения Сената воспрещалось под угрозой смертной казни. По изложенному в шестом пункте доклада предложению А. А. Матвеева, к самодержцу по судебным вопросам мог обращаться единственно Правительствующий сенат, и то лишь в том случае, если разрешение дела вызывало у него принципиальные затруднения.

«Доклад из Коллегии юстиции» от 3 декабря 1718 г. вообще занял особое место в истории петровской судебной реформы. Дело в том, что именно этот доклад А. А. Матвеева явился первоосновой для подготовки закона от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве. И именно в процессе разработки закона от 19 декабря 1718 г. (количество черновых редакций проекта которого достигло *шести*) у Петра I сформировалось окончательное видение будущей организации судебной системы России. Благодаря труду Н. А. Воскресенского в данном случае имеется возможность поэтапно проследить, как выкристаллизовывалась окончательная позиция законодателя в вопросе преобразования отечественного судеустройства⁶⁰.

⁵⁷ Законодательные акты Петра I. С. 372.

⁵⁸ По мнению К. Петерсона, в докладе А. А. Матвеева от 3 декабря 1718 г. Юстиц-коллегия «была приравнена к Шведскому апелляционному суду» (*Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 325*). С приведенной точкой зрения трудно согласиться. Как уже говорилось, Шведский апелляционный суд (*Svea hovrätt*) функционировал в системе иных апелляционных судов королевства. Между тем Андрей Матвеев (в отличие от Г. Фика) никогда не проектировал такого звена российской судебной системы, как апелляционные (надворные) суды. Наименование в декабрьском докладе Юстиц-коллегии «надворным судом» являлось не более чем механическим использованием буквального перевода немецкого термина «*Hofgericht*», отчего-то привлечшего внимание А. А. Матвеева.

⁵⁹ См.: Законодательные акты Петра I. С. 286, 289.

⁶⁰ Публикацию черновых редакций проекта закона от 19 декабря 1718 г. см.: Законодательные акты Петра I. С. 372–377.

Для начала стоит отметить, что при подготовке второй редакции законопроекта Петр I считал необходимым подчеркнуть роль Правительствующего сената как высшего органа власти. К фразе А. А. Матвеева о том, что Сенат «*в особах честных и знатных состоит*», царь собственноручно приписал: «*Которым не только челобитчиковы дела, но и правление государства поверена суть*»⁶¹. Наряду с этим во второй редакции царь детализировал процедуру апелляционного переноса дел из Юстиц-коллегии в Сенат.

Куда более значительной корректировке законодатель подверг декабрьские предложения А. А. Матвеева при составлении третьей редакции законопроекта. В этой редакции Петр I повысил формально-иерархический статус провинциального суда, придав ему функции апелляционной инстанции по отношению к городовому суду. Тем самым губернские суды превратились из суда второго звена (в каком статусе они фигурировали в декабрьском докладе А. А. Матвеева) в суд третьего звена. В свою очередь, Юстиц-коллегия (именовавшаяся по-прежнему «вышним надворным судом») стала в третьей редакции судом четвертого звена.

Между тем на полях все той же третьей редакции проекта закона от 19 декабря 1718 г. появилась отчего-то не привлекавшая внимания предшествующих авторов весьма интересная секретарская помета: «*Доложить, где быть главным судам*»⁶². В этой лаконичной помете отразилось начальное размышление законодателя об организации какого-то нового – среднего по иерархическому положению – звена судебной системы. При этом дислокация составлявших это звено судов не должна была совпадать с административно-территориальным делением страны.

Окончательно данный замысел царя сложился в ходе разработки предпоследней, пятой редакции законопроекта. В этой редакции Петр I собственноручно выправил второй пункт декабрьского доклада А. А. Матвеева. Теперь заключительное предположение данного пункта стало читаться так: «*...А над ними всеми [городовыми и провинциальными судами] в знатных губерниях учрежден будет вышней надворной суд*»⁶³.

Из приведенного предположения со всей отчетливостью вырисовалось новое звено отечественной судебной системы: межрегиональные надворные суды (по инерции продолжавшие именоваться «вышними»). Иными словами, внесение в законопроект процитированного предположения означало, что законодатель пришел к решению – под очевидным влиянием Г. Фика и Г. Бреверна – о перенесении на отечественную почву конструкции шведских апелляционных судов. Наряду с этим при подготовке пятой редакции Петр I вновь свел в единое звено городовые и провинциальные суды, а заодно устранил такое ранее проектировавшееся звено судебной системы, как не отделенный от органа управления губернский суд.

Что касается Юстиц-коллегии (раздел о которой не менялся со второй редакции), то в пятой редакции она превратилась в апелляционную инстанцию по отношению к надворным судам, а также вновь обрела статус суда третьего звена. Поскольку в ходе разработки шестой редакции раздел законопроекта, касавшийся организации суда, не подвергся более изменениям, именно судоустройственные предположения пятой редакции обрели силу закона. В итоге, согласно Закону от 19 декабря 1718 г., судом первого (основного) звена стали городовые и провинциальные суды (которые при подготовке шестой редакции законопроекта Петр I обозначил единым термином «*нижние суды*»).

Судом второго звена стали надворные суды, судом третьего звена, как уже было сказано, – Юстиц-коллегия. Нельзя не отметить, что как о городских и провинциальных, так и о надворных судах в ст. 2 закона говорилось в будущем времени, их основание в декабре 1718 г. только предполагалось. В качестве апелляционной инстанции по отношению к Юстиц-коле-

⁶¹ Там же. С. 373.

⁶² Там же. С. 374.

⁶³ Там же. С. 375. (Слова «в знатных губерниях учрежден будет» вписаны Петром I.)

гии в законе от 19 декабря 1718 г. определялся Правительствующий сенат. При этом, согласно ст. 4 характеризуемого закона, дела могли поступать в судебное производство Сената лишь с санкции монарха (что параллельно закреплялось, стоит повторить, в ст. 4 закона «Должность Сената» от декабря 1718 г.).

А вот приговоры и судебные решения, вынесенные Правительствующим сенатом, пересмотру уже не подлежали ни в каком порядке. Согласно ст. 5 закона от 19 декабря 1718 г., приносить челобитные на решения Сената воспрещалось под угрозой смертной казни. Тем самым, по смыслу ст. 5, Правительствующий сенат превращался в суд высшего звена.

Придание Сенату высшей судебной власти не означало, однако, лишение таковой власти монарха. Стоит оговорить, правда, что создание какой-либо структуры, которая объединяла бы монарха и Сенат в деле отправления правосудия (наподобие шведской Королевской судебной ревизии или Высшей судебной ревизии из проекта Г. Фика), в Законе от 19 декабря 1718 г. не предусматривалось. Тем не менее не вызывает сомнений, что, по Закону от 19 декабря 1719 г., самодержец все-таки не образовывал собой отдельное звено судебной системы. Исходя из смысла ст. 4 и 6 Закона, монарх занимал по отношению к Сенату как органу правосудия положение скорее председателя судебного присутствия, но никак не вышестоящей инстанции. Другими словами, законодатель рассматривал Правительствующий сенат и самодержца в качестве *единого* звена судебной системы.

Таким образом, в указанном Законе оказалась зафиксирована четырехзвенная судебная система: *нижний суд (городовой/провинциальный) – надворный суд – Юстиц-коллегия – Правительствующий сенат/самодержец*⁶⁴. Если вспомнить, что два низовых звена этой системы еще только предстояло создавать, можно со всей определенностью констатировать, что в Законе от 19 декабря 1718 г. запечатлелся окончательный замысел Петра I по реформированию отечественного суда.

Итак, следует резюмировать, что, посвятив 1718 г. поискам оптимального варианта адаптации шведской модели судостроительства к российским условиям, Петр I заметно отступил в конце концов от зарубежного образца. Во-первых, будущий император не решился лишить судебных функций высший орган власти – Правительствующий сенат. Во-вторых, вопреки проекту Г. Фика, Петр I не совместил – на шведский манер – Юстиц-коллегию со столичным надворным судом, а превратил ее в особое звено судебной системы, вышестоящее по отношению к надворным судам. В-третьих, отечественный законодатель сократил количество низовых звеньев судебной системы: вместо составлявших разные звенья судебной системы Швеции дистриктных и провинциальных судов в России было решено организовать единое звено «нижних судов».

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что в середине 1710-х гг. Петр I принял стратегическое решение осуществить в нашей стране системные государственные преобразования, политико-правовой основой для которых стали концепции камерализма и «полицейского» государства. В рамках отмеченных преобразований будущий император задумал проведение и судебной реформы (которую, впрочем, он субъективно не отделял от административной). Поскольку воплощением *Polizeistaat* Петр I счел Швецию, то в ходе подготовки судебной реформы в качестве первоочередной встала задача адаптировать шведское судостроительство к российским условиям.

В соответствии с таковой задачей на протяжении 1718 г. Петр I, руководство Юстиц-коллегии и Г. Фик вырабатывали программу реорганизации отечественного суда. Итогом этой

⁶⁴ Нельзя не обратить внимание на неточность в интерпретации судостроительных положений закона от 19 декабря 1718 г., допущенную К. Петерсоном. Шведский правовед ошибочно счел (вопреки смыслу ст. 2 закона) относящимися к разным звеньям судебной системы городские и провинциальные суды. Вследствие этого К. Петерсон пришел к неверному выводу об утверждении в законе от 19 декабря 1718 г. *пятизвенной* судебной системы (*Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 326*).

работы явилось издание закона от 19 декабря 1718 г. об укреплении инстанционности в судопроизводстве, в котором запечатлелись окончательные контуры будущей судебной системы России. Так был запущен маховик первой отечественной судебной реформы.

«БЫТЬ ПО МАНИРУ ШВЕДСКОМУ...» *Сценарии заимствования иностранных правовых институтов в ходе проведения административной и судебной реформ Петра I*⁶⁵

Вопрос об использовании зарубежного правового опыта в период осуществления государственных преобразований в России первой четверти XVIII в. следует отнести к числу изученных сравнительно подробно. Внимание к означенному сюжету со стороны ученых авторов вполне объяснимо: не вызывает сомнений, что первое в истории отечественного государства и права массированное заимствование иностранных правовых норм и институтов имело место именно в годы единодержавия Петра I. В свою очередь, апогей такого заимствования пришелся на второй этап петровских реформ, который претворялся в жизнь во второй половине 1710-х – начале 1720-х гг.

Несомненная уникальность российских государственных преобразований указанного периода заключалась в том, что при их подготовке был использован правовой опыт главным образом одного государства – Шведского королевства. Произошло это в связи с тем, что в 1716–1717 гг. в качестве стратегической цели реформирования государственного аппарата законодатель определил построение в России «полицейского» государства по шведскому образцу. По этой причине использование шведского правового опыта оказалось исследовано к настоящему времени наиболее детально.

Крупнейшим вкладом в изучение темы о шведском влиянии на государственные преобразования в России первой четверти XVIII в. необходимо признать диссертацию шведского правоведа К. Петерсона «Административная и судебная реформы Петра Великого: шведские образцы и процесс их адаптации», защищенную в ноябре 1979 г. на юридическом факультете Стокгольмского университета и изданную в том же году в виде монографии⁶⁶. Из российских ученых названную тему впервые затронул в 1850-х гг. Ф. М. Дмитриев, затем к ней обратились А. Д. Градовский и Э. Н. Берендтс⁶⁷. В XX – начале XXI в. этот аспект изучался в России преимущественно историками, наиболее углубленно Г. А. Некрасовым и Е. В. Анисимовым⁶⁸. Вместе с тем донныне оказалось не подготовлено ни одной работы, специально посвященной вопросу о перенесении в Россию в петровское время французских, германских или, скажем, голландских правовых образцов. Также на сегодняшний день не появилось ни диссертационного, ни монографического исследования, в котором бы целостно рассматривалась проблема

⁶⁵ Впервые опубликовано: Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале нового времени (XVI–XVIII вв.): сб. ст. / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб., 2013. С. 250–269.

⁶⁶ Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979 [Rättshistoriskt Bibliotek. Bd. 29]. Значительно более позднее автореферативное изложение материалов этого исследования см.: *Он же*. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 257–271.

⁶⁷ Дмитриев Ф. М. История. С. 444; Градовский А. Д. Высшая администрация. С. 92–93, 96; Берендтс Э. Н. Несколько слов о «коллегиях» Петра Великого // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1897. Кн. 71. С. 6, 8.

⁶⁸ Некрасов Г. А. Русско-шведские культурные связи в первой четверти XVIII века // Скандинавский сборник. Таллин, 1977. Вып. 22. С. 189–197; Троицкий С. М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 67–75; Анисимов Е. В. «Шведская модель». С. 133–150. См. также: Федосова Э. П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация: [Сб. статей.] М., 2000. С. 185–194; Алексеева Е. В. Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 15–31. Интерес к Швеции со стороны непосредственно Петра I наиболее целостно рассмотрел Д. М. Шарыпкин в статье и монографии 1980 г. (*Шарыпкин Д. М. Шведская тема в русской литературе петровской поры // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы: Сб. статей / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1980. С. 15–18; Он же*. Скандинавская литература в России. Л., 1980. С. 41–46).

заимствования иностранного правового опыта в первой четверти XVIII в.⁶⁹ (наподобие известного труда И. Г. Щегловитова о зарубежном влиянии на проведение судебной реформы 1864 г.⁷⁰).

Неудивительно поэтому, что, несмотря на очевидные достижения предшественников, в литературе до настоящего времени не был акцентированно высказан тезис о неоднородности процесса заимствования иностранных правовых институтов, не был поставлен вопрос о тех сценариях, которые сложились в процессе их перенесения на российскую почву. В рамках настоящей работы впервые предпринимается попытка охарактеризовать таковые сценарии, в частности на материале административной и судебной реформ первой четверти XVIII в. Однако, прежде чем переходить к обозрению конкретных сценариев перенесения зарубежного правового опыта, необходимо сделать несколько оговорок.

Во-первых, нужно заметить, что вопрос о различных вариациях заимствования иностранного права оказался к настоящему времени достаточно подробно разработан в российском правоведении – в рамках проблемы рецепции права (тракуемой как неотъемлемый инструмент развития национальной правовой системы)⁷¹. Согласно устоявшейся точке зрения, рецепция может быть либо частичной, либо полной («полной системной», «тотальной»). Иными словами, в современной отечественной общей теории права утвердилось представление о наличии двух сценариев перенесения иностранных правовых образцов на национальную почву.

Во-вторых, при разрешении вопроса об иностранном влиянии на создание того или иного правового института представляется необходимым разграничивать два аспекта: сравнительно-правовой и сравнительно-исторический. С одной стороны, следует установить, какие именно зарубежные правовые институты могли быть в принципе использованы в качестве образца при подготовке учреждения рассматриваемого национального института. С другой – не менее важно определить, какого рода информацию о таковых зарубежных институтах имел возможность получить законодатель перед принятием решения об основании или введении соответствующего национального института.

На основе анализа обстоятельств проведения административной и судебной реформ в России 1700-х – начала 1720-х гг. представляется возможным констатировать, что в отмеченный период имела место реализация трех сценариев заимствования зарубежного правового опыта: 1) сопровождаемое минимальной адаптацией прямое перенесение на отечественную почву иностранных правовых институтов; 2) углубленная адаптация зарубежных образцов к российским условиям, попытки осуществить синтез зарубежных и отечественных правовых институтов; 3) поверхностное, фрагментарное заимствование иностранных правовых институтов.

Первый сценарий претворялся в жизнь в тех сферах преобразований, в которых соответствующие отечественные образцы либо отсутствовали как таковые, либо абсолютно не соответствовали проводимой законодателем линии реформирования. Прежде всего, здесь необходимо

⁶⁹ Из числа обзорных работ, посвященных использованию зарубежного правового опыта в России XVIII в. в целом, см.: Шарф К. *Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения* // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 9–45.

⁷⁰ См.: Щегловитов И. Г. *Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года*. Пг., 1915.

⁷¹ Из общих работ о рецепции права см., например: Рыбаков В. А. *Рецепция права: общетеоретический аспект* // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2007. № 4. С. 5–12. Из современных исследований рецепции права применительно к России см., в частности: Клягичин В. Н. *Рецепция зарубежного права как способ модернизации российской правовой системы* // Правовая реформа и зарубежный опыт: Сб. науч. статей. Красноярск, 2000. С. 11–23; Рыбаков В. А. *Рецепция права: общетеоретические вопросы: моногр.* Омск, 2009. С. 175–272; Каченко С. В. *Правовые реформы в России: проблемы рецепции западного права: моногр.* Самара, 2008 (последняя работа носит, впрочем, в большей мере политологический, а отчасти и публицистический характер).

вспомнить о создании «регулярной» армии и военно-морского флота, что сопровождалось учреждением невиданных прежде органов военного управления и военного правосудия. Так, всецело заимствованными из Западной Европы явились учрежденные в ходе военно-судебной реформы 1700-х – начала 1710-х гг. военные суды (кригсрехты), впервые образовавшие обособленную подсистему в судебной системе России, а также соединенная с этими судами аудиторская служба.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос об источниках тех законодательных актов, которые образовали нормативную основу организации и деятельности кригсрехтов и аудиторской службы. Таковыми актами, как известно, были: «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1712 г. (содержало нормы, регулирующие военное судоустройство и военно-уголовный процесс) и Артикул воинский 1714 г. (содержал военно-уголовные нормы). В 1715 г. оба этих акта были изданы в новых редакциях.

Вопрос о круге зарубежных нормативных источников, которые были использованы при составлении «Краткого изображения процессов...» и Артикула воинского, остается к настоящему времени проясненным не в полной мере. Что касается Артикула воинского 1714 г., то принято считать, что при его разработке привлекались акты шведского, датского и австрийского военного законодательства последней трети XVI – XVII в., особенно широко – нормы шведского Воинского артикула редакции 1683 г.⁷² (*Caroli XI, Königs in Schweden, Kriegs-Articel, de an. 1683*). Кроме того, В. В. Кучма высказал мнение, что при подготовке Артикула воинского были приняты во внимание также нормы уголовного законодательства Византии⁷³. В «Кратком изображении процессов...» источники, использованные при его составлении, оказались указаны непосредственно в заглавии редакции 1712 г.: «против римскоцесарских и саксонских прав учрежденное...»

По авторитетному мнению П. О. Бобровского, при подготовке «Краткого изображения процессов...» в самом деле использовались в первую очередь акты военного законодательства Саксонии, а также австрийские («римскоцесарские») и датские военно-процессуальные акты. Так, заключительный раздел «Краткого изображения процессов...» редакции 1715 г. – «О оглавлении приговоров...» – был почти всецело заимствован из седьмой главы датской Инструкции военным судам 1683 г. (*Christiani V, Königs in Dannemarck, Kriegs-gerichts-instruction*). В свою очередь, с точки зрения К. Петерсона, основным источником, использованным при разработке «Краткого изображения процессов...», был уже упоминавшийся шведский Воинский артикул редакции 1683 г.⁷⁴

Между тем, при всей неокончательной ясности, какие именно акты зарубежного военного законодательства оказались использованы при составлении «Краткого изображения процессов...» и Артикула воинского, со всей определенностью возможно констатировать, что акты российского законодательства XVII – начала XVIII в. при их подготовке не привлекались вовсе. Что же касается роли Петра I в разработке характеризуемых актов, то применительно к «Краткому изображению процессов...» никаких следов его участия не усматривается (чему не приходится удивляться, поскольку будущий император вообще не испытывал особого интереса к проблематике судопроизводства)⁷⁵. А вот в подготовке Артикула воинского Петр I принял

⁷² Бобровский П. О. Происхождение Артикула воинского и Изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд. СПб., 1881. С. 9–10, 33–42; Hoffmann P. Peter der Große als Militärreformer und Feldherr. Frankfurt am Main, 2010. S. 164.

⁷³ Кучма В. В. Феномен рецепции византийского права в российском военно-уголовном законодательстве Петра I // Античная древность и средние века. Ставрополь, 1995. Вып. 27. С. 7–18. В. В. Кучма не привел, однако, никаких данных, свидетельствующих об ознакомлении Петра I с переводами актов византийского законодательства (что могло затем отразиться в законодательном процессе).

⁷⁴ Бобровский П. О. Происхождение Артикула. С. 29, 43–46; Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 338–339.

⁷⁵ Подробнее см.: Серов Д. О. Из истории военного законодательства России XVIII века: «Краткое изображение процессов

весьма активное участие, внося в черновую редакцию свыше 70 поправок и дополнений (все из которых вошли в редакцию 1714 г.). Часть этих поправок и дополнений носила стилистический характер, часть – вполне содержательный (как, например, собственноручно написанный царем раздел «Изъяснение о лишении чести»)⁷⁶. В данном случае трудно не согласиться с Э. Аннерсом, назвавшим Артикул воинский «творческим достижением» Петра I⁷⁷.

Однако, несмотря на всю работу российского законодателя над проектом Артикула воинского, необходимо признать, что этот законодательный акт остался в основе своей компиляцией западноевропейских уставов и инструкций. В еще большей мере очевиден компилятивный характер «Краткого изображения процессов или судебных тяжб...». Вместе с тем отказ Петра I от использования предшествующих актов российского законодательства в рассматриваемом случае нельзя не признать обоснованным. Новоучрежденные кригсрехты с аудиторской службой (равно как и в целом реформированная «регулярная» армия и военный флот) являлись принципиально новыми объектами правового регулирования, что потребовало издания новаторских законодательных актов, источники для подготовки которых могли быть заимствованы единственно из Западной Европы.

Второй сценарий претворялся в жизнь в тех сферах преобразований, в которых сложились столь прочные национальные традиции государственного строительства и правового регулирования, что законодатель-реформатор не решился на их кардинальную ломку – прежде всего в системе местных и высших органов государственной власти, в системе органов городского самоуправления, в общем судебном устройстве, в уголовном и гражданском законодательстве, в формах систематизации законодательства. Так, несмотря на упомянутую стратегическую установку Петра I на систематическое перенесение на отечественную почву шведских правовых образцов, процесс этого перенесения осуществлялся отнюдь не прямолинейно, велась целенаправленная законотворческая работа по адаптации шведских институтов к российским условиям. В свою очередь, уже заимствованные институты через непродолжительное время, случалось, подвергались контрреформаторскому русифицированию.

К примеру, заимствованный из Швеции принцип структурного и функционального отделения судебных органов от административных сохранялся в государственном аппарате и в системе законодательства России менее пяти лет. Наиболее радикальное установление по разграничению полномочий между административными и судебными органами законодатель внес в ст. 22 Инструкции или наказа земским комиссарам от января 1719 г.: «А что до юстиции в уезде принадлежит, то впредь губернатору или воеводе и земскому комиссару до онаго дела не иметь». В той же ст. 22 руководящим должностным лицам низовых органов управления предписывалось (всцело в шведском духе) оказывать органам правосудия необходимое содействие: «Губернатору или воеводе яко началствующему всей губернии или провинции надлежит вышнему суду вспомогать <...> земскому комиссару яко нижнему начальнику в уезде нижнему суду вспоможение чинить»⁷⁸. Зарубежное влияние здесь совершенно очевидно: как установил К. Петерсон, в качестве источника для составления Инструкции земским комиссарам 1719 г. была использована шведская Инструкция дистриктным управителям (*häradsfogde*) 1688 г.⁷⁹

А вот в изданной в том же январе 1719 г. Инструкции или наказе воеводам Петр I уже отказался от столь буквального копирования иностранного правового образца – при всем том, что названная Инструкция была, как убедительно продемонстрировал К. Петерсон, подготов-

или судебных тяжб» (разыскания о внешней истории текста) // Война и оружие. Новые материалы и исследования: труды Третьей междунар. науч.-практич. конф. СПб., 2012. Ч. 3. С. 180–186.

⁷⁶ Публикацию всех этих поправок и дополнений, подготовленную П. П. Епифановым, см.: Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946. С. 66–79.

⁷⁷ Цит. по: *Hoffmann P. Peter der Große. S. 165.*

⁷⁸ ПСЗ. Т. 5. № 3295. СПб., 1830. С. 637.

⁷⁹ *Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. P. 268.*

лена на основе шведской Инструкции ландсховдингам (*landshövding*) 1687 г.⁸⁰ В ст. 5 шведской Инструкции прямо говорилось: «Ландсховдинг да не будет никак касаться разбирательства спорных дел или смешивать свою и судебную должность – ни в городах, ни в деревне»⁸¹. В ст. 5 российской Инструкции воеводам исходная шведская норма подверглась существенной переработке: «Хотя ему, воеводе, не надлежит спор, тяжёбного дела между подданных судить и судьям в расправе их помешательство чинить, однако ж ему крепко смотреть, чтоб земские судьи по данной им инструкции уездный суд управляли и подданных продолжением и волоки-тами не утесняли»⁸².

Одновременно в ст. 6 российской Инструкции оказалось предусмотрено право воеводы вносить в надворный суд протесты на решения по гражданским делам, вынесенные размещенными в провинции судами первого звена. Иными словами, не желая вовсе порывать с многовековой отечественной традицией, по которой местный орган общего управления обладал на подведомственной территории всей полнотой власти, законодатель в 1719 г. сохранил за главой провинциальной администрации, в современном понимании, право надзора за деятельностью «нижних» судов.

Однако, несмотря на отмеченную адаптацию шведских правовых образцов к отечественным условиям, уже в 1722 г. последовала ликвидация городских и провинциальных судов – с передачей их полномочий воеводским канцеляриям. Это означало свертывание первой российской попытки структурно и функционально обособить судебные органы от административных. Как емко выразился по этому поводу Ю. В. Готье, «западноевропейские идеи разбились о русскую жизнь»⁸³.

Крупнейшей попыткой осуществить синтез российской и шведской систем законодательства в первой четверти XVIII в. следует признать грандиозный проект Уложения Российского государства 1723–1726 гг., подготовка которого осуществлялась главным образом Уложенной комиссией 1720 г. (в 1718–1719 гг. работа над проектом велась в Юстиц-коллегии)⁸⁴. Создававшийся во исполнение указания Петра I составить «Уложение российское с шведским»⁸⁵, отмеченный проект разрабатывался, с одной стороны, в русле традиционного отечественного представления о едином кодифицированном акте как базисном элементе системы законодательства, а с другой – путем взаимосовмещения норм, извлеченных из широкого круга шведских и российских нормативных источников, особое место среди которых занимал предшествующий акт всеобщей кодификации отечественного законодательства – Уложение 1649 г.

Помимо Уложения 1649 г. и архаичного шведского Уложения Кристофера 1442 г. (*Kristoffers landslag 1442*), при составлении проектов новых статей Уложенная комиссия 1720 г. привлекала также отечественное законодательство конца 1690-х – начала 1720-х гг. и шведское и датское законодательство XVII в. Из числа шведских нормативных источников этого периода комиссия наиболее широко использовала королевский декрет о суде 1614 г.

⁸⁰ Ibid. P. 270–281.

⁸¹ Цит. по: Ibid. P. 272.

⁸² ПСЗ. Т. 5. № 3294. С. 625.

⁸³ Готье Ю. В. Отделение судебной власти. С. 193.

⁸⁴ Наибольшим вкладом в изучение проекта Уложения 1723–1726 гг. следует признать оставшуюся малоизвестной в России статью К. Петерсона 1983 г. «Использование датского и шведского права в Уложенной комиссии Петра Великого 1720–1725 гг.», а также защищенную в январе 1993 г. диссертацию А. С. Замуруева (*Peterson C. Användningen. S. 369–404; Замуруев А. С. Проект. С. 156–366*). См. также: Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. С. 21–44; Маи́ков А. Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. статей. Л., 1970. С. 112–126; Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 39–44; Серов Д. О. «Учреждения Уложения российское с шведским быть...»: Уложенная комиссия 1720 г. и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии: Сб. науч. статей. М., 2012. С. 139–160.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 660. Л. 231 – 231 об.

(*Rättegångsordonantia 1614*), Устав о наказаниях 1669 г. (*Exekutionstadga 1669*) и Процессуальный устав 1695 г. (*Rättegångsstadga 1695*), из датских – Уложение Христиана V 1683 г. (*Christian V:s Danske Lov 1683*)⁸⁶.

По мере накопления законопроектного материала перед Уложенной комиссией 1720 г. встал вопрос о композиционном построении проекта нового Уложения. На заседании 7 декабря 1722 г. Уложенная комиссия приняла ключевое решение предложить на рассмотрение Сената структуру законопроекта, состоявшую из трех книг: книга первая «О земском суде», книга вторая «О криминальных делах», книга третья «О делах гражданских»⁸⁷. С этого момента начался переход на отраслевую структуру создававшегося единого кодифицированного акта, что принципиально отличалось от структуры Уложения 1649 г., в котором в одних и тех же главах совмещались нормы как процессуального права, так и различных отраслей материального права⁸⁸.

Новая структура проекта Уложения была одобрена Правительствующим сенатом, по докладу Уложенной комиссии, 9 января 1723 г.⁸⁹ Соответственно, в справке от 1 марта 1723 г. о ходе подготовки нового Уложения уже констатировалось: «Уложение сочиняется ныне на последующем фундаменте: <...> хотя в одной книге <...> но о каждых делах особыми книгами»⁹⁰. Как показал К. Петерсон, при разделении законопроекта на книги Уложенная комиссия 1720 г. использовала в качестве образца композицию состоявшего из шести книг датского Уложения 1683 г. При этом, по мнению К. Петерсона, в структуре российского законопроекта оказалось более последовательно, нежели в датском образце, проведено разграничение норм на процессуальные, гражданско-правовые и уголовно-правовые⁹¹. К данным, приведенным К. Петерсоном, следует добавить, что использование датского Уложения в качестве композиционного образца было особо оговорено Сенатом 9 января 1723 г. при упомянутом выше одобрении отраслевой структуры проекта Уложения⁹².

Необходимо отметить, что кодификаторы из Уложенной комиссии 1720 г. безусловно выполнили установление законодателя подготовить «Уложение российское с шведским». Как установил А. С. Замуруев, нормы шведских нормативных актов были использованы в качестве источника при подготовке 32% статей проекта Уложения 1723–1726 гг. Источниками 30% статей проекта послужили нормы российского законодательства первой четверти XVIII в., источниками 15% статей – нормы Уложения 1649 г.⁹³

Третий из отмеченных выше сценариев претворялся в жизнь в тех случаях, когда законодатель либо не имел достаточных сведений об избранном в качестве образца зарубежном правовом институте, либо стремился лишь ограниченно модернизировать существовавший российский институт. Крайним выражением подобного сценария видится феномен использования иноязычной терминологии для обозначения новоучреждавшихся российских институтов, вообще не имевших зарубежных аналогов.

Скажем, совершенно очевидны глубокие различия между основанной в январе 1722 г. российской прокуратурой и ее зарубежным прообразом – прокуратурой Франции (*ministère*

⁸⁶ Peterson C. Användningen. S. 388, 390.

⁸⁷ Замуруев А. С. Проект. С. 200.

⁸⁸ В справке Уложенной комиссии от 1 марта 1723 г. подобная структура Уложения 1649 г. описывалась следующим образом: «В прежнем Уложении судебные процессы были в таком порядке: где о суде, в том месте и о криминальных и о вотчинных и других делах упоминалось» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 9. Ч. 1. Л. 58 об.).

⁸⁹ Там же. Л. 48 об. – 49.

⁹⁰ Там же. Л. 58 об.

⁹¹ Peterson C. Användningen. S. 388–389.

⁹² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 9. Ч. 1. Л. 49.

⁹³ Замуруев А. С. Проект. С. 313.

public, parquet)⁹⁴. К началу XVIII в. прокуратура Франции (основанная еще в 1302 г.) сложилась как разветвленный и строго централизованный орган власти с весьма разнообразными функциями, начиная с установленного в XVI в. полномочия генерального прокурора вносить в Парижский парламент королевские указы для их регистрации и до полномочий прокуроров по защите социально незащищенных лиц (*miserables personae*)⁹⁵. Однако доминирующей в компетенции французской прокуратуры все же стала функция уголовного преследования. Здесь роль прокуратуры заключалась прежде всего в возбуждении уголовного дела, в подготовке обязательных заключений на разных стадиях уголовного судопроизводства, а также в руководстве исполнением приговора.

Прокурорские заключения являлись обязательными на трех стадиях тогдашнего французского уголовного процесса. Первый раз прокурор выносил заключение по окончании предварительного розыска (*inquisitio generalis*), второй раз – после формального допроса обвиняемого и перед заключительной стадией предварительного расследования (*reglement à l'extra ordinaire*) и в третий раз – по окончании предварительного расследования (*inquisitio specialis*), непосредственно перед докладом дела в суде.

Между тем, если обратиться к компетенции прокуратуры России первой четверти XVIII в., то станет очевидным, что ее базисным полномочием был достаточно слабо выраженный в круге ведения *ministère public* общий надзор за соблюдением законности. В свою очередь, никакими функциями уголовного преследования в момент учреждения российская прокуратура не наделялась. Подобная ситуация вполне объяснима, если коснуться вопроса о том, какой информацией располагал Петр I к началу 1720-х гг. о французской прокуратуре.

Первым, от кого царь мог услышать о французских прокурорах, был, как представляется, А. А. Матвеев. Вне поля зрения предшествующих авторов остался примечательный документ, опубликованный в 1972 г. «Архив или статейный список московского посольства, бывшего во Франции <...> в прошлом 1705 году...»⁹⁶. Между иного в означенном статейном списке оказалось упомянуто и о прокуратуре, в частности о генерал-прокуроре Парижского парламента. В том же разделе статейного списка Андрей Матвеев привел данные и о численности прокурорского корпуса Франции: «Прокураторов состоит число в 400 человек, которья стряпают... в судах всякаго чину за людей»⁹⁷.

Разумеется, пространные статейные списки Петр I если и читал, то разве что для ознакомления с оперативной дипломатической информацией. А вот с составителем отмеченного статейного списка А. А. Матвеевым царь нередко соприкасался лично, особенно после его возвращения из-за границы в 1715 г. В подобном контексте представляется вполне вероятным, что А. А. Матвеев мог рассказать царю о виденных им французских «прокураторах».

Во время пребывания в 1717 г. во Франции Петр I получил возможность наблюдать представителей французской прокуратуры самолично. Н. В. Муравьев ввел в научный оборот сведения французского источника о состоявшемся 19 июля 1717 г. посещении Петром I заседания Большой палаты Парижского парламента. В ходе этого заседания царь выслушал речь заме-

⁹⁴ В литературе традиционно считалось, что образцом для учреждения должности российского генерал-прокурора мог послужить также шведский высший омбудсмен (*högste ombudsman*), должность которого была учреждена королевским указом от 26 октября 1713 г. Доводы в опровержение этой точки зрения см.: Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России в первой трети XVIII в.: Моногр. Palmarium Academic Publishing, 2012. С. 172–175.

⁹⁵ По истории французской прокуратуры XIV–XVIII вв. см. прежде всего: Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 54–71; Веретенников В. И. Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915. С. 36–50; Казанцев С. М. Королевская прокуратура во Франции и царская прокуратура в России // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений. Самара, 2001. С. 122–128. Из современных зарубежных работ см. раздел в коллективной монографии французских правоведов «История прокуратуры»: Histoire du parquet / Sous la dir. J.-M. Carbasse. Paris, 2000. P. 23–219.

⁹⁶ См.: Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева) / Публ. И. С. Шарковой; под ред. А. Д. Люблинской. Л., 1972.

⁹⁷ Там же. С. 204.

щавшего генерал-прокурора генерал-адвоката Г. Ламуаньона (*Guillaume de Lamoignon*), выступившего с кратким заключением по существу рассматривавшегося дела⁹⁸.

Последние сведения о французской прокуратуре Петру I предоставил в 1721 г. контролер Адмиралтейской коллегии К. Н. Зотов, тесно соприкасавшийся тогда с царем в связи с разработкой Регламента Адмиралтейской коллегии. Младший сын влиятельного Н. М. Зотова, Конон Зотов длительно обучался морскому делу в Англии, Голландии, а с 1715 по 1719 г. во Франции. Получивший представления не только о навигации, но и о государственном устройстве западноевропейских стран Конон Никитич передал в мае 1721 г. Петру I подготовленный им проект, озаглавленный «Копия с письма к брату моему о генерал-ревизоре, что ныне во Франции называется генерал-прокурор, с отметками и с примерами нынешнего состояния в Великороссии».

Означенный проект был введен в научный оборот Н. П. Павловым-Сильванским и впервые опубликован в 1897 г.⁹⁹ В проекте Конона Зотова содержалось несколько сумбурно, но подробно изложенное предложение о создании в России должности «всенародного надзирателя или государственного стряпчего». Не углубляясь на этих страницах в характеристику данного проекта (уже не раз подробно рассматривавшегося в литературе¹⁰⁰), следует отметить, что полномочия замышлявшегося К. Н. Зотовым «государственного стряпчего» фрагментарно напоминали компетенцию генерал-прокурора Парижского парламента (*procureur général du Parlement de Paris*). Именно проект К. Н. Зотова послужил основой для выработки первой редакции закона «Должность генерала-прокурора», утвержденной 27 января 1722 г.¹⁰¹

Не вызывает сомнений, что ни сам Петр I, ни А. А. Матвеев, ни К. Н. Зотов заведомо не могли уяснить для себя процессуальные полномочия французской прокуратуры, что требовало специальной юридической подготовки. По этой причине принципиально важная для *ministère public* функция уголовного преследования объективно не могла быть принята во внимание Петром I – что, в свою очередь, обусловило наделение российской прокуратуры в момент основания вполне оригинальными надзорными полномочиями.

Наиболее же ярким примером использования иноязычного термина для обозначения вполне оригинального российского учреждения следует признать историю с Юстиц-коллегией. Дело в том, что созданная в 1717 г. Юстиц-коллегия не имела не только шведского, но и вообще какого-либо зарубежного образца¹⁰² – по причине возложения на нее функции судебного управления, невиданной для государственного аппарата ни одной из стран Европы¹⁰³. Что касается самого термина «Юстиц-коллегия», то, насколько можно понять, он впервые появился (в написании «*Justice-Collegium*») в записке Г.-В. Лейбница, представленной Петру I в 1711 г.¹⁰⁴

Остается сказать несколько слов о персональном аспекте сценариев перенесения иностранных правовых институтов на российскую почву в первой четверти XVIII в. Исходя из имеющихся сведений, представляется возможным констатировать, что решающую роль в процессе такого перенесения сыграли немецкоязычные выходцы из новоприсоединенных к России балтийских провинций. С одной стороны, в среде тогдашнего балтийского дворянства и

⁹⁸ Муравьев Н. В. Прокурорский надзор. С. 268–269.

⁹⁹ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. 2-е изд. М., 2000. С. 257–260.

¹⁰⁰ См.: Там же. С. 100–103; Веретенников В. И. Очерки истории. С. 33–36.

¹⁰¹ Об истории разработки закона «Должность генерала-прокурора» наиболее подробно см.: Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура. С. 195–215.

¹⁰² В этом отношении особенно показательны безуспешные попытки К. Петерсона отыскать аналог Юстиц-коллегии в судебной системе Швеции начала XVIII в. (*Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms*. P. 307–311).

¹⁰³ Подробнее см.: Серов Д. О. Зарождение судебного управления в России при Петре I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 5. С. 173–180.

¹⁰⁴ *Petschauer P. The Philosopher*. P. 486.

бюргерства было принято получать образование (в том числе юридическое) в германских и шведских университетах¹⁰⁵. С другой – немало перешедших в 1700-х – начале 1710-х гг. в российское подданство балтийцев успели не один год либо прослужить в шведской армии, либо проработать в шведских судебных и административных органах. Все это привело к тому, что в этой среде было несложно найти лиц, как имевших высокий образовательный уровень, так и хорошо знавших шведские административные и судебные процедуры.

Прежде всего, здесь необходимо вспомнить о таких фигурах, как Герман Бреверн (*Hermann von Brevern*), Магнус Нирот (*Magnus Wilhelm von Nieroth*), Сигизмунд Вольф (*Sigismund Adam Wolf*) и Эрнст Кромпейн (*Ernst Friedrich Krompein*). Уроженец г. Риги Герман Бреверн, получив в качестве базового философское образование в университете Альтдорфа, изучал затем два года юриспруденцию в Лейпцигском университете. Впоследствии, с 1693 по 1717 г., Г. Г. Бреверн состоял на различных судебных должностях в Риге (с перерывом на пребывание в 1708–1710 гг. на посту вице-губернатора шведской Лифляндии)¹⁰⁶. С должности вице-президента Рижского гофгерихта, указом Петра I от 15 декабря 1717 г., Герман Бреверн был определен вице-президентом новоучрежденной Юстиц-коллегии¹⁰⁷.

Уроженец Эйсенберга, города в Тюрингии, Эрнст Кромпейн до 1689 г. изучал юриспруденцию в университетах Йены и Лейпцига, затем работал адвокатом в Ревеле, а с 1695 г. служил аудитором в шведской армии. Попав в плен (по всей вероятности, при взятии Выборга) и перейдя на русскую службу, Э. Кромпейн получил в российской армии должность обер-аудитора, а с марта 1716 г. состоял в должности «камисара фисцы» (*commisarius fisci*) в Эстляндской губернской канцелярии. Сенатским указом от 26 сентября 1720 г. Эрнст Кромпейн был назначен ассессором Юстиц-коллегии¹⁰⁸. Уроженец г. Нарвы Сигизмунд Вольф служил судьей в Дерптском ландгерихте (*Dorpat Landgericht*), с 1718 г. занимался переводами шведских нормативных актов в канцелярии Сената, а сенатским указом от 5 февраля 1719 г. был определен советником Юстиц-коллегии¹⁰⁹.

Магнус Нирот был полковником шведской армии, затем ландратом в Ревеле, а указом Петра I от 15 декабря 1717 г. был определен вице-президентом Камер-коллегии¹¹⁰. Судя по тому, что в 1720 г. М. Нирот основал в своем эстляндском имении училище для «шляхетных и нешляхетных учеников»¹¹¹, он являлся образованным человеком и поборником просвещения.

Все упомянутые лица являлись членами Уложенной комиссии 1720 г., принимали самое активное участие в подготовке проекта Уложения 1723–1726 гг. Показательно, что, как явствует из журнала заседаний Уложенной комиссии, одновременный отъезд из Санкт-Петербурга Г. Бреверна и М. Нирота привел к приостановке заседаний комиссии на период с 3 марта по 26 апреля 1721 г.¹¹² Наиболее же значительную роль в заимствовании иностранных правовых образцов из числа названных лиц сыграл Эрнст Кромпейн.

¹⁰⁵ По этому поводу см. в первую очередь: *Tering A. Über die Juristenausbildung. S. 28–56.* К примеру, из числа лиц, занимавших судейские должности в Лифляндском надворном суде в 1630–1700 гг., 20 человек прошли обучение в университете в Упсале, 15 – в Лейдене, 10 – в Кенигсберге, столько же – в Йене и Хельмштедте. Девять будущих судей надворного суда отучились в университете в Ростокке, семеро – в Дерпте, шестеро – во Франкфурте-на-Одере и в Альтдорфе, пятеро – в Лейпциге, четверо – в Або (*Ibid. S. 34*).

¹⁰⁶ *Brevern G. Zur Geschichte der Familie von Brevern. Berlin, 1878. Bd. 1. S. 25–26, 34, 36, 40.*

¹⁰⁷ Законодательные акты Петра I. С. 220.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 377. Л. 287; Кн. 1886. Л. 229 об. – 230; Erik-Amburger-Datebank: Ausländer im vorrevolutionären Russland, Ernst Friedrich Krompein, oid: 71404 (<http://88.217.241.77/amburger/>; 04.12.2007).

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1882. Л. 39; *Балакирева Л. М. Судебная реформа Петра I. С. 165, 175.*

¹¹⁰ *Peterson C. Användningen. S. 381.*

¹¹¹ *Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 87–88.*

¹¹² РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Кн. 9. Ч. 1. Л. 20 об.

Сегодня можно признать установленным, что именно бывший шведский адвокат и бывший аудитор Эрнст Кромпейн явился составителем проектов как «Краткого изображения процессов или судебных тяжб...», так и Артикула воинского¹¹³. Учитывая, что при составлении проекта Уложения 1723–1726 гг. Э. Кромпейн внес решающий вклад в разработку книги 2-й («О процессе в криминальных или розыскных или пыточных делах»), его вклад в развитие российского законодательства и российской юриспруденции XVIII в. трудно переоценить.

О чем хотелось бы сказать в заключение? Историческая судьба рассмотренных выше законодательных актов, проекта Уложения и государственных институтов сложилась по-разному. «Краткое изображение процессов...» и Артикул воинский сохраняли юридическую силу до 1810–1830-х гг.: для военного времени до издания в составе «Учреждений для управления Большой действующей армией» от 27 января 1812 г. Устава полевого судопроизводства и Полевого уголовного уложения¹¹⁴, а для мирного времени – до утверждения Военно-уголовного устава 1839 г. Грандиозный проект Уложения 1723–1726 гг., так и не будучи завершен, остался исключительно памятником юридической мысли России первой трети XVIII в. Основанная в большей мере по оригинальному замыслу Петра I российская прокуратура существует и сегодня, сохраняя в качестве одной из ключевых функцию общего надзора за соблюдением законности.

¹¹³ Имя Э. Кромпейна («Эріст Фрідріх Кромпеїн») как составителя обозначено на титульном листе типографского издания «Краткого изображения процессов...» редакции 1712 г. На то, что Эрнст Кромпейн мог быть еще и составителем проекта Артикула воинского, впервые указал П. О. Бобровский (*Бобровский П. О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование. СПб., 1887. С. 10, 52). Это предположение Петра Бобровского оказалось подтверждено опубликованным в 1930 г. авторитетным свидетельством Г. Фика (*Heinrich Fick*) (*Cederberg A. R. Heinrich Fick: Ein Beitrag zur Russischen Geschichte des XVIII. Jahrhunderts. Beilage 4 // Acta et Commentationes Universitas Tartuensis. Tartu–Dorpat, 1930. Bd. 17. S. 98*). Рекомендую Петру I в [1719 г.] назначить Э. Кромпейна на более высокую должность, Генрих Фик аттестовал его как «добросовестного и ученого мужа, досконально знающего судебные, полицейские и фискальские дела» (*Ibid.*).

¹¹⁴ ПСЗ. Т. 32. № 24975. С. 75–84.

«У СОЧИНЕНИЯ УЛОЖЕНЬЯ РОССИЙСКОГО С ШВЕДКИМ БЫТЬ...» *Уложенная комиссия 1720 г. и ее труды*¹¹⁵

История систематизации отечественного законодательства (прежде всего в форме кодификации) является в настоящее время одним из перспективных направлений историко-правовых исследований. В свою очередь, в истории кодификации XVIII в. особое место принадлежит проекту Уложения Российского государства 1723–1726 гг., подготовленному Уложенной комиссией 1720 г. Исходя из сведений, приводимых в литературе, отмеченный проект следует признать как наиболее значительным по объему, так и наиболее завершенным из числа законопроектов, выработанных уложенными комиссиями XVIII в.

Уложенная комиссия 1720 г. не раз привлекала внимание ученых авторов. Первым к истории означенной комиссии обратился М. М. Сперанский, упомянувший о ней в хрестоматийно известном «Обзрении исторических сведений о Своде законов»¹¹⁶. Однако подлинным первооткрывателем сюжета об Уложенной комиссии 1720 г. следует признать петербургского правоведа В. Н. Латкина, который посвятил Комиссии особый раздел докторской диссертации по государственному праву «Законодательные комиссии в России в XVIII ст.», защищенной в 1887 г. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета¹¹⁷ и изданной в том же году в виде монографии.

Широко используя архивные источники, В. Н. Латкин вкратце осветил предысторию создания и внешнюю историю Уложенной комиссии 1720 г. (ее структуру, персональный состав, взаимодействие с Сенатом, динамику проведения заседаний за 1720–1723 гг.), а также законопроектную работу Комиссии (хотя и не предприняв анализа проекта Уложения 1723–1726 гг.)¹¹⁸. В 1888 г. на диссертационную монографию В. Н. Латкина появилась развернутая рецензия А. Н. Зерцалова. Правда, коснувшись раздела об Уложенной комиссии 1720 г., А. Н. Зерцалов ограничился лишь тем, что привел разрозненные дополнительные сведения о предыстории ее создания, а также о деятельности и персональном составе в 1724 г.¹¹⁹

¹¹⁵ Впервые опубликовано: Институты государства и права в их историческом развитии: сб. науч. статей / под ред. Т. Е. Новицкой. М., 2012. С. 139–160.

¹¹⁶ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 128.

¹¹⁷ Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Библиографический указатель / Сост. Г. Г. Кричевский. Ставрополь, 1998. С. 119.

¹¹⁸ Латкин В. Н. Законодательные комиссии. С. 21–44.

¹¹⁹ Зерцалов А. Н. Замечания на книгу В. Н. Латкина «Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: историко-юридическое исследование». Т. 1 // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1888. Кн. 1. С. 16–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.